

*Лишь избранной
под силу их остановить*

ЭЛИЗАБЕТ МЭЙ
ОХОТНИЦЫ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Эдинбург, Шотландия, 1844 год. Днем она – ослепительная маркиза, леди из высшего общества, звезда балов и светских раутов, а ночью – выходит на смертельную охоту на монстров... Злобные фейри убили мать Айлиэн, и девушка поклялась отомстить! Приближается лунное затмение, которое может разрушить древнее заклятие, и тогда тысячи злобных существ вырвутся на свободу. Кто сможет их остановить? Только избранная... Но что случится, если охотница влюбится в одного из самых заклятых своих врагов?

Элизабет Мэй

Охотницы

© Elizabeth May, 2013

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

Я запомнила их обвинения, все до единого.

Убийца... Это ее рук дело... Ее нашли склонившейся над телом матери, всю в крови...

За моей спиной собрались в стайку несколько дамочек, их платья соприкасаются, головы склоняются друг к другу. Общая сцена для всех балов, на которых я побывала с тех пор, как две недели назад сняла траур. Но их замечания все еще ранят, и не важно, как часто я их слышу.

– Говорят, отец застал ее сразу после случившегося.

Я отхожу от автомата для разливания пунша. Панель золотого цилиндрического устройства открывается сбоку. Высовывается металлическая рука, подхватывает из-под трубочки мою фарфоровую чашку и возвращает ее на стол.

– Но не можете же вы верить, что она виновата! – произносит вторая леди. Она стоит достаточно далеко, и я с трудом различаю ее слова в шуме заполненной людьми залы. – Мой отец говорит, что она, должно быть, видела, что произошло, но, безусловно, вы не считаете, что...

– Что ж, мой брат присутствовал в прошлом году на ее дебюте, и *он* сказал, что она была полностью покрыта... и по локоть в... Пожалуй, я не буду продолжать. Слишком ужасно.

– Власти настаивают на нападении животного. Даже маркиз Дуглас подтвердил это.

– Он не мог обвинить собственную дочь, не так ли? – отвечает первая. – Ему следовало бы отправить ее в сумасшедший дом. Вы знаете, что она...

Ее голос опускается до шепота, и конец фразы расслышать не получается.

Я сжимаю ткань своего платья. Если бы не толстый шелк, мои ногти впились бы в кожу. Это все, что я могу сделать, чтобы не выхватить пистолет, спрятанный под нижней юбкой.

«Ты в порядке, – говорю я себе. – Ты не злишься. Это всего лишь стайка тупиц, которые не стоят того, чтобы на них злиться».

Но тело меня не слушается. Я сжимаю зубы и отпускаю платье, чтобы прижать большой палец к ускорившемуся пульсу на запястье. Сто двадцать ударов спустя он все еще не замедляется.

– Итак, – слышу я голос рядом со мной. – Ты собираешься взять немного пунша или будешь весь оставшийся вечер рассматривать автомат?

Моя подруга, мисс Кэтрин Стюарт, награждает меня ободряющей улыбкой. Она, как и всегда, прекрасна в шелковом платье цвета розовых роз. Ее белокурые локоны, идеально уложенные, блестят в свете ламп, когда она наклоняется, берет со стола чистую чашку и протягивает мне.

Мое дыхание стало вполне различимо рваным. Совершенно раздражающая подробность. Я надеюсь, что она этого не заметит.

– Рассматривание неодушевленных предметов в последнее время стало моим любимым времяпрепровождением, – говорю я.

Она неторопливо разглядывает меня.

– О! А мне показалось, что ты прислушиваешься к разговору по ту сторону стола с

напитками.

Стайка дамочек дружно ахает. А я задумываюсь о том, какую вину мне припишут на этот раз, – помимо очевидной, конечно же.

Нет, лучше не думать об этом. Если продолжу, мне придется прибегнуть к угрозам телесных повреждений, я могу даже вытащить пистолет. А если я его вытащу, меня действительно укутут в сумасшедший дом.

Я подношу чашку под трубочку и нажимаю на кнопку автомата сильнее, чем следует. Клубы пара бьют вверх, пунш льется, наполняя чашку почти до краев. Я делаю глоток.

Вот ведь черт! Пока что ни единого намека на виски. Наверняка же кто-то принес его во фляге, чтобы спасти всех нас от скучной беседы. Кто-то всегда так поступает.

– Нет остроумного ответа? – спрашивает Кэтрин, прищелкнув языком. – Должно быть, тебе нездоровится.

Я смотрю на сплетниц. Три юные леди одеты в почти неотличимые платья, каждое из которых украшено разноцветными лентами и цветочными узорами. И ни одной из них я не знаю. У той, что шептала, темные волосы убраны с лица и зачесаны назад, только одинокий локон спадает на плечо.

Она встречается со мной взглядом. И поспешно отводит глаза, что-то шепча своим собеседницам, которые еще пару мгновений глядят на меня, прежде чем отвернуться. Достаточно долго глядят, чтобы я заметила, как их черты искажает потрясение, слегка приправленное злобой.

– Ты только взгляни на них, – говорю я. – Тебе не кажется, что эти дамы готовы к кровопролитию?

Кэтрин прослеживает мой взгляд.

– Мисс Стэнли всегда готова. И если глаза меня не обманывают, ее когти уже выпущены. Ты смогла разобрать, что она говорила?

Я выдыхаю громче, чем следует, и пытаюсь успокоиться. Внутри меня есть место для гнева – могила, которую я выкопала, чтобы похоронить его глубоко внутри. Этот ежедневный контроль помогает мне вести себя подобающим образом и ослепительно улыбаться, даже изображать вынужденный звонкий смех, который отчасти скучен, даже глуп. Я никогда не смогу показать настоящую себя. Если я это сделаю, они поймут, что я намного ужаснее той женщины, которую они себе придумали.

Призвав все свое самообладание, я отпиваю еще пунша.

– Что я само олицетворение грации, – язвительно отвечаю я. – Тебе хорошо известно, что она сказала.

– Чудесно! – Кэтрин разглаживает подол своего розового платья. – Я отойду, чтобы защитить твою честь. Жди моего триумфального возвращения.

Я преграждаю ей путь.

– Нет. Я предпочитаю, чтобы ты этого не делала.

За год, проведенный в трауре, я, очевидно, подзабыла изящное искусство изысканного оскорбления. Прежняя Айлиэн Кэмерон подошла бы к этой стайке дамочек и сказала что-нибудь приветливое и крайне язвительное. Моя первая реакция – достать что-то из взятого с собой оружия. Возможно, вес надежного лезвия в руке мог бы меня успокоить.

– Не глупи, – говорит Кэтрин. – Кроме того, мисс Стэнли мне всегда не нравилась. Однажды на уроке французского она обмакнула мои волосы в чернильницу.

– У тебя уже семь лет не было уроков французского. Господи, да ты, оказывается,

злопамятная!

– Восемь лет. И за это время мое мнение о ней лучше не стало.

Она пытается обойти меня, но я двигаюсь быстрее и в спешке врезаюсь в стол с напитками. Китайские чашки звенят, ударяясь друг о друга, несколько блюдец балансируют на краю стола. Стайка дамочек замечает это и начинает еще громче перешептываться.

– Да ради бога... – останавливается Кэтрин. – Ты действительно собираешься просто стоять и пить пунш, пока эта ведьма ложно обвиняет тебя в...

– Кэтрин...

Она бросает на меня сердитый взгляд.

– Скажи что-нибудь, иначе скажу я.

Никто из них – включая Кэтрин – не догадывается, что сплетня лишь преуменьшена, а не ошибочна. За двенадцать месяцев я совершила ровно сто пятьдесят восемь убийств. И это число увеличивается практически каждую ночь.

– И что, по-твоему, мне делать в следующий раз? – спрашиваю я. – Ругаться с каждым, кто будет говорить то же самое?

Она фыркает.

– Это ужасная старая сплетня, которая скоро станет неинтересной. Люди, подобные мисс Стэнли, не дают умереть теме для разговоров, потому что тогда им нечего будет обсуждать. На самом деле никто не верит в эту глупость.

Я отхожу от стола. Бальная зала Хепберна заполнена группами людей, которые общаются, наслаждаясь напитками перед началом нового круга танцев.

С тех пор как я была здесь последний раз, к хрустальной люстре в центре залы подвели электричество. Фонарики парят практически под потолком, стеклянный корпус каждого из них изысканно декорирован в оригинальном стиле. Когда они проплывают над толпой, слышен жужжащий механический звук. Тени, отбрасываемые витражным стеклом, играют на обоях с цветочным рисунком.

Пока я изучаю группы людей, одетых в нарядные платья и английские костюмы, в мою сторону поворачивается не одна голова. Их взгляды тяжелые, оценивающие. Похоже, для тех, кто присутствовал на моем дебюте, я навсегда останусь той, кем была в ту ночь, – девушкой в крови, которая не могла ни говорить, ни плакать, ни кричать.

Я приношу несчастье в их спокойную, размеренную жизнь, и тайна смерти моей матери никогда не будет раскрыта. В конце концов, какое животное убивает так рассудочно, как то, что убило мою мать? Какая дочь будет сидеть рядом с трупом собственной матери и не проронит ни слезинки?

Я никогда ни с кем не говорила о том, что произошло той ночью. Никогда не показывала скорби, даже на похоронах матери. Я просто не вела себя так, как должна была вести себя невинная девушка.

– Пойдем, – шепчу я. – Ты никогда не умела лгать.

Она бросает сердитый взгляд на мисс Стэнли.

– Они просто злобные дуры, которые не знают тебя.

Она убеждена в моей невинности и чистоте. Когда-то Кэтрин действительно знала меня. Ту меня, какой я была раньше. Теперь есть только один человек, кто на самом деле понимает меня и видел разрушительную часть, которую я скрываю, – потому что он тот, кто помог ее создать.

– Даже твоя мать подозревает, что я в чем-то замешана, а она знает меня с

младенчества.

Кэтрин усмехается.

– Ты не особо стремишься улучшить ее мнение, раз исчезаешь во время каждого светского раута, на который она нас сопровождает.

– У меня бывают головные боли, – говорю я.

– Подходящая ложь для первого случая, но на седьмой раз она вызывает подозрения. Может, в следующий раз придумаешь другую болезнь?

Она ставит пустую чашку на стол. В тот же миг рука автомата подхватывает ее и убирает на конвейер, который возвращает грязную посуду в кухню.

– Я не лгу, – настаиваю я. – Головную боль, которая прямо сейчас возникла у меня в висках, вызвала мисс Стэнли.

Кэтрин закатывает глаза.

Оркестр у дальней стены берет несколько вступительных аккордов. Вот-вот должен начаться стратспей, и моя бальная карта на удивление заполнена. Аристократы крайне лицемерны. Они придумали преступление и обвинили меня в нем, однако мое приданое – это приманка, которую многие джентльмены не в состоянии игнорировать.

Как результат, ни единого свободного танца и куча пустопорожних разговоров. Но я хотя бы люблю танцевать.

– Твой лорд Гамильтон покидает своих собеседников, – замечает Кэтрин.

Лорд Гамильтон маневрирует между стайками дамочек возле стола с напитками. Невысокий, крепкий мужчина на двадцать лет старше меня, лорд Гамильтон отличается лысиной и пристрастием к галстукам необычного дизайна. Кроме того, у него есть досадная привычка гладить мое запястье – что, я полагаю, должно меня успокаивать, но в действительности я чувствую себя двенадцатилетней.

– Он не *мой* лорд Гамильтон, – говорю я. – Господи, да он мне в отцы годится! – Я наклоняюсь и шепчу ей: – И если он снова погладит мое запястье, я точно закричу.

Кэтрин издает фырканье, которое никак не подобает издавать леди.

– Ты сама согласилась танцевать с ним.

Я бросаю на нее испепеляющий взгляд.

– Я не законченная грубиянка. Я не стану отказывать в танце, разве что кто-то другой пригласит меня.

Лорд Гамильтон останавливается перед нами. Розовато-лиловый, зеленый и синий цвета создают на его шелковом галстуке странный узор. Он вежливо улыбается, как и подобает джентльмену.

– Добрый вечер, леди Айлиэн, – говорит он, затем кивает Кэтрин. – Мисс Стюарт, надеюсь, у вас все хорошо.

– Так и есть, лорд Гамильтон, – отвечает она. – И если позволите заметить, у вас довольно... *поразительный* галстук.

Лорд Гамильтон любовно всматривается в него, словно услышал комплимент своему величайшему достижению.

– Благодарю вас. Оттенки складываются в образ единорога. Часть герба Гамильтонов. Я моргаю. Пожалуй, узор напоминает какое-то морское чудовище.

Кэтрин кивает.

– Как чудесно! Я считаю, что он вам очень идет.

Я продолжаю молчать. Мне отчаянно не хватает практики светских бесед, поэтому я

вполне могу честно сказать ему, что розовато-лиловые кляксы больше похожи на щупальца.

Оркестр берет еще несколько аккордов, и пары направляются к центру залы, занимая места для танца.

Лорд Гамильтон протягивает затянутую в перчатку руку.

– Не откажете мне в удовольствии?

Я касаюсь пальцами его ладони, и – черт возьми! – он гладит мое запястье. Я слышу, как Кэтрин, уходя с кавалером, едва сдерживает смех. Я оборачиваюсь в ее сторону, и мы с лордом Гамильтоном проходим к танцевальной линии.

Но как только оркестр начинает играть, странный вкус прокатывается по моему языку от кончика к самому корню. словно летучая смесь серы и аммиака, горячий и обжигающий, он щекочет меня, спускаясь в самое горло.

С моих губ едва не срывается ужасное ругательство. Здесь есть фейри.

Я закрываю глаза и пытаюсь сглотнуть силу фейри. Химический вкус во рту настолько резок, что мне очень хочется стошнить прямо на полированный пол. Я шатаюсь, теряю равновесие, и меня бросает вперед.

– Ой!

Я толкаю леди по соседству. Широкие юбки наших платьев сталкиваются, и мы едва не падаем на мраморные плиты. Как раз вовремя! Я хватаю ее за плечи, чтобы вернуть себе равновесие.

– Прошу прощения, – хрипло говорю я.

После чего поднимаю взгляд на женщину. Мисс Фэйрфакс. Она смотрит на меня со старательно сдерживаемым отвращением. Мой взгляд устремляется к остальным танцующим. Многие пары оглядываются, чтобы взглянуть на переполох. Хотя веселая музыка не замолкает, все – *все!* – смотрят на меня.

Кто-то перешептывается, и я снова слышу их обвинения. Или думаю, что слышу.

Убийца... Она сошла с ума... Смерть маркизы была...

Я отстраняюсь от мисс Фэйрфакс. Все силы уходят на то, чтобы подавить воспоминания, рвущиеся на волю, остаться на месте и не сбежать. Я знаю, что сказал бы отец. Он сказал бы, что я дочь маркиза и именно на мне лежит ежесекундная ответственность за представление имени нашей семьи.

– Ах, простите, мисс Фэйрфакс. Сбилась со счета, – говорю я.

Мисс Фэйрфакс расправляет юбки, приводит в порядок свои черные волосы и вздергивает подбородок, возвращаясь к танцу.

– Леди Айлиэн? – говорит лорд Гамильтон. Он выглядит взволнованным. – С вами все в порядке?

Я выдавливаю улыбку и, не подумав, отвечаю:

– Мне очень жаль. Должно быть, я споткнулась.

Черт подери! *Мне стало дурно* – вот что нужно было сказать. Это был бы идеальный предлог, чтобы встать и уйти. Как я могла так сглупить?

Слишком поздно. Лорд Гамильтон улыбается, берет меня за руку и подводит обратно к линии. Я избегаю пристальных взглядов аристократов и сглатываю остатки силы с языка.

Я должна найти проклятую тварь прежде, чем она заманит свою жертву. Мои инстинкты кричат, что нужно сбежать из танца, найти фейри и убить. Я смотрю в сторону выхода. Черт подери мою репутацию и глупое правило, что леди не должна пересекать бальную залу – или покидать ее – без сопровождения!

Я чувствую, как темная часть внутри меня растет и рвется на поверхность, отчаянно желая лишь трех вещей: охотиться, калечить, убивать.

О, я хочу этого больше всего на свете! Фейри поблизости, сразу за бальной залой. Я выхожу из танца и направляюсь к двери. Лорд Гамильтон останавливает меня и что-то спрашивает. Но я не слышу его за грохотом жажды убийства и собственных мыслей.

«Ответственность, – напоминаю я себе. – Семья. Честь».

Проклятье!

Я отвечаю на вопрос лорда Гамильтона просто:

– Конечно.

Он снова улыбается. Мне жаль его, жаль их всех. Они думают, что я единственное чудовище среди них, но настоящего хищника они даже не видят. Фейри выбирают жертвы среди них, подчиняют их легким ментальным воздействием, затем кормятся ими и убивают.

Пять минут. Столько мне нужно, чтобы найти тварь и выстрелить капсулой в ее плоть. Немного времени без свидетелей, чтобы...

Я с силой сжимаю руку лорда Гамильтона. Я слишком долго пробыла вне общества, и охота стала моей второй натурой. Нужно подавить в себе варварские намерения, иначе я могу поступить слишком поспешно и потерять себя. Мысленно я повторяю уроки этикета. Дочь маркиза не выбегает из бальной залы. Дочь маркиза не бросает своего партнера на середине танца.

Дочь маркиза не охотится за фейри.

– Вы согласны? – спрашивает лорд Гамильтон и тянет меня к танцующим.

Я встряхиваюсь.

– Конечно. – Я стараюсь говорить уверенно.

Лорд Гамильтон гладит меня по запястью, и я сжимаю зубы, чтобы не ответить грубостью, когда мы обходим другую пару.

Стратспей, похоже, никогда не закончится. Подскок на левой ноге, правая нога назад, левая во вторую позицию. Шаг вперед, в третью позицию. Правое колено согнуть, вторая позиция. И снова, и снова, и снова... Музыку я больше не замечаю, она становится фоном для скрипящих струн, а танец всего лишь на середине.

Моя рука касается голубого шелка платья на боку, прямо над тем местом, где спрятан электропистолет. Я представляю себя в коридорах охоты, целюсь...

«Успокойся», – говорю я себе.

Я изучаю мелкие детали комнаты, мозаичные фонарики, которые продолжают парить над нашими головами. Над ними пощелкивающие механизмы, идущие по верху стен, и все они соединяются с электросистемой Нового города.

Я сосредоточиваюсь на металлическом шелканье, на мысленном повторении своих уроков. Приличия. *Щелк*. Грация. *Щелк*. Улыбка. *Щелк*. Убийство. *Щелк*.

Да, черт возьми!

Смычковые продолжают скрипеть. Лорд Гамильтон что-то говорит. Я удосуживаюсь улыбнуться и уклончиво кивнуть.

Я делаю еще одну попытку. Вежливость. *Щелк*. Благопристойность. *Щелк*. Учтивость...

Наконец музыка замолкает, и я поворачиваюсь к лорду Гамильтону. Он молча протягивает мне руку и уводит за периметр танцующих. Я снова бросаю взгляд на дверь.

– Что же это, – бормочет лорд Гамильтон, – где мисс Стюарт? Я не должен оставлять вас одну.

Слава богу, Кэтрин нигде не видно. Мне не придется отговариваться хотя бы от нее.

– Ничего страшного, – отвечаю я очаровательным тоном, который терпеть не могу. – Прошу меня простить, но я должна на несколько минут уединиться в дамской комнате. – Я слегка касаюсь виска. – Боюсь, у меня мигрень.

Лорд Гамильтон хмурится.

– Ах, как ужасно! Позвольте сопроводить вас.

Как только мы подходим к двустворчатым дверям, которые ведут в коридор, я останавливаюсь и улыбаюсь.

– Вам нет нужды покидать бальную залу, милорд. Я могу сама найти дамскую комнату.

– Вы уверены?

Я едва не срываюсь на него, но заставляю себя сделать глубокий вдох, чтобы вернуть немного самообладания. Моя жажда охоты пульсирует, не стихая. Если она поглотит меня, воспитанность ничего не будет стоить. Меня будут интересовать только кровь, месть и избавление.

Я сглатываю.

– Конечно.

Лорд Гамильтон, похоже, не замечает изменений в моем поведении. Он улыбается, кланяется и снова гладит меня по запястью.

– Благодарю за приятную компанию.

Он поворачивается, чтобы уйти, и я со вздохом облегчения направляюсь в коридор. *Наконец-то!*

Когда я на цыпочках иду по коридору, удаляясь от бальной залы и дамской комнаты, сила фейри возвращается ощущением покалывания во рту. Мое тело все больше привыкает ко вкусу после первого яростного ответа, и теперь я распознаю вид, который его вызывает. *Выходец.*

Мне приходилось убивать выходцев только четыре раза, никогда в одиночку, поэтому я до сих пор не привыкла к сильному вкусу их силы, как привыкла к другим видам фейри, которых убиваю чаще. Исходя из моего скудного опыта у них есть три слабых места: отверстие вдоль грудной клетки, как раз над левой грудной мышцей; небольшой мягкий участок в брюшной полости, окруженный непробиваемой кожей; и, пожалуй, интеллект ниже среднего.

Выходцы компенсируют свои слабости массивной мускулатурой, из-за чего их сложно убить. Хотя, с другой стороны, я люблю трудности.

Я лезу в маленький карман, который вшит в складки моего бального платья, и достаю тонкий, переплетенный пучок *сейгфлора*. Редкий мягкий вид чертополоха, почти исчезнувшего в Шотландии, дает мне возможность видеть фейри.

Сотни лет назад фейри практически полностью уничтожили чертополох, чтобы люди не узнали правду о том, что это растение – единственная слабость фейри. О, у каждого из них на теле есть слабое место, которое можно поразить обычным оружием, но это только ранит подобных созданий. В то время как *сейгфлор* достаточно смертоносен, чтобы сжечь кожу фейри и даже нанести смертельную рану. Я использую его в оружии, которое сделала для охоты на них.

Я повязываю *сейгфлор* вокруг шеи и шагаю вперед. Мои мышцы наготове – расслаблены, закалены двенадцатью месяцами изматывающих тренировок с Киараном. Мои техники улучшились во время ночей, когда я уничтожала фейри без его помощи. Киаран заявляет, что я еще не готова охотиться в одиночку. Я дюжину раз доказывала, что он ошибается. Конечно, он не знает, что я нарушаю его прямой приказ не охотиться одной, но то, что ему неизвестно, не причиняет нам вреда.

Вкус силы фейри новой волной проходит по моему языку. Должно быть, это где-то за следующим поворотом. Я резко останавливаюсь.

– Замечательно, – бормочу я.

Коридор ведет к спальням. Если меня застанут там, избежать скандала не удастся. Моя репутация уцелела только потому, что прежние слухи обо мне не были доказаны. Если меня застанут возле личных покоев Хепберна, возникнет настоящая проблема, которой моя

сомнительная репутация уже не выдержит.

Я переступаю с ноги на ногу. Возможно, если я очень быстро...

– Айлиэн!

Я оборачиваюсь. Ох, черт!

Кэтрин и ее мать, виконтесса Кэссилис, стоят в коридоре довольно далеко от меня, возле двустворчатых дверей, ведущих в бальную залу. Они приближаются, и Кэтрин смотрит на меня с удивлением и замешательством, а ее мать... Что ж, она изучает меня с откровенной подозрительностью.

– Айлиэн, – повторяет Кэтрин, когда они подходят ко мне. – Что ты здесь делаешь?

У обеих одинаковые блестящие светлые волосы и большие голубые глаза. Вот только взгляд леди Кэссилис можно назвать скорее пронзительным, нежели невинным. У нее большой талант замечать даже мельчайшие несоответствия приличиям. Нэй, даже малейший намек на позор.

К черту все! Быть пойманной, когда направляешься в личное крыло Хепберна, – это плохо. Это не то место, где стоит находиться приличной женщине. Или, по крайней мере, ее там не должны поймать. Это важный момент.

– Перевожу дыхание, – поспешно говорю я, тяжело дыша в подтверждение своих слов. – Лорд Гамильтон слишком быстр в танце.

Кэтрин выглядит удивленной.

– О? Для мужчины его возраста, я полагаю.

– *Поэтому*, – говорю я, пристально глядя на Кэтрин, – я здесь, чтобы немного передохнуть. Вот и все.

– Ах, *дорогая*, – говорит леди Кэссилис, нарочито интонируя слова. – Стоит расслабиться в бальной зале, которая в *том* направлении.

Она кивает в сторону двери в начале коридора.

Сила фейри оставляет раздражающее ощущение пульса на языке – тварь явно тянется своими силами вовне, пытаюсь кого-то приманить. В ответ мое тело напрягается.

– Ах, айе, – говорю я, и мой голос выдает напряжение. – Но...

– *Да*, – поправляет виконтесса. – *Айе* звучит как *ужасное* просторечие.

Леди Кэссилис относится к небольшому, но все растущему кругу шотландской аристократии, среди которой бытует убеждение: стоит лишь нам начать говорить, как англичане, и шотландцев начнут считать более цивилизованной нацией. Полная ерунда, я полагаю. Мы вполне цивилизованны сами по себе. Но я бы не стала обсуждать это в коридоре, пока кровожадная тварь на свободе.

– Айе, конечно. В смысле, *да*, – отвечаю я.

Боже, неужели нет никакого вежливого способа избавиться от этого разговора?

– Матушка, – Кэтрин вклинивается между нами, – я уверена, что у Айлиэн есть логичное объяснение, почему... она находится здесь. – Она поворачивается ко мне. – Мне казалось, ты обещала этот танец лорду Кэррику.

– У меня мигрень, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно невиннее. – Я искала дамскую комнату, чтобы передохнуть.

Кэтрин приподнимает бровь. Я отвечаю ей взглядом.

– Что ж, позволь составить тебе компанию, – говорит Кэтрин.

– Ах, эта постоянная мигрень, – вздыхает леди Кэссилис. – Если ты собираешься лечить ее в дамской комнате, то последняя находится в *другом* конце коридора.

Виконтесса пристально смотрит на меня. Я прекрасно знаю, что, будь у нее доказательство моего дурного поведения, Кэтрин давно была бы ограждена от общения со мной. Леди Кэссилис формально сопровождает меня как дуэнья, но лишь потому, что Кэтрин попросила ее об этом, в память о дружбе с моей матерью. Не представляю, что между ними могло быть общего.

– Так или иначе, – говорит леди Кэссилис, – леди никогда не должна покидать бальную залу без сопровождения. Что тебе хорошо известно, Айлиэн. Мне нужно упоминать, что нахождение в одиночестве в пустом коридоре – это еще одно нарушение этикета? – Она хмыкает. – Боюсь, что твоя матушка, будь она до сих пор с нами, была бы огорчена.

Кэтрин ахает. Я сжимаю кулаки и выдыхаю. Внутри меня начинает расти тоска, которую быстро заменяют гнев и всепоглощающая жажда мести. Всего одно убийство, чтобы еще раз похоронить болезненные воспоминания о смерти моей матери. Даже мой идеальный контроль не безграничен – я должна найти фейри до того, как жажда уничтожит меня.

– Матушка, – решительно заявляет Кэтрин, – вы не могли бы подождать меня в бальной зале? Я скоро там буду. – Когда леди Кэссилис открывает рот, чтобы запротестовать, она добавляет: – Я ненадолго. Просто позвольте мне сопроводить Айлиэн в дамскую комнату.

Виконтесса окидывает меня взглядом, высокомерно вздергивает подбородок и идет к бальной зале.

Кэтрин вздыхает.

– Она не нарочно.

– Нарочно.

– Айлиэн, что бы ты ни задумала – не задерживайся, или я не смогу навестить тебя в среду. Матушка...

– Знаю. Она считает, что я плохо на тебя влияю.

Она вздрагивает.

– Возможно, недостаточно хорошо.

Я улыбаюсь.

– Я ценю, что ты лжешь ради меня.

– Я никогда не лгу. Я просто слегка приукрашиваю факты, когда того требуют обстоятельства. Например, я собираюсь сказать матушке, что у тебя *болит голова* настолько сильно, что ты можешь пропустить несколько танцев.

– Это очень тактично с твоей стороны. – Я отдаю Кэтрин свою сумочку. – Ты не поддержишь это ради меня?

Кэтрин смотрит на нее.

– Думаю, в дамской комнате сумочки не запрещены.

– Айе, но необходимость носить сумочку может усилить мою *головную боль*.

Я вкладываю ридикюль ей в руку.

– Хм... Знаешь, когда-нибудь я стану задавать вопросы. Возможно, ты даже ответишь на них.

– Когда-нибудь, – соглашаюсь я, благодарная за доверие.

Она улыбается и говорит:

– Что ж, отправляйся в свое загадочное путешествие. Но не забывай о нашем ленче. Твой повар единственный, кто знает, как готовить идеальные огуречные сэндвичи.

– Это действительно единственная причина твоего приезда? Чертовы сэндвичи?

– Компания тоже довольно приятная... когда у нее нет головной боли.

Хулигански мне подмигнув, она шагает прочь и скрывается за двухстворчатой дверью бальной залы.

Я наконец свободна и снова двигаюсь по коридору. Юбки шелестят, длинные воланы поддерживаются тремя жесткими нижними юбками. С тех пор как год назад начались мои тренировки, я поняла, насколько ограничен женский гардероб. Каждое из украшений красиво – и абсолютно бесполезно во время битвы.

Как только я захожу за угол, сила фейри возвращается. Я позволяю обжигающему вкусу наполнить мой рот, наслаждаюсь предвкушением. Для меня эта часть охоты – одна из самых любимых, уступающая лишь самому убийству. Я представляю, как вновь стреляю, и, когда тварь издыхает, меня наполняет чувство покоя...

А затем, совершенно внезапно, мое горло заполняется вкусом слез, да так быстро, что я сгибаюсь пополам, меня тошнит.

– Проклятье! – бормочу я. Резкое отсутствие силы фейри означает, что выходец нашел свою жертву и теперь высасывает человеческую энергию.

Пробормотав еще одно ругательство, я собираю свои широкие юбки и подъюбки, сдергиваю накидку с плеч, обвязываю ее вокруг талии – чертовы приличия! – и бегу вверх по лестнице. Поднявшись, я в смятении оглядываюсь по сторонам. Так много дверей. Теперь, когда сила исчезла, я не могу сказать, в какой из комнат находится фейри.

Я быстро иду по вестибюлю. В коридоре тихо. Слишком тихо. Я болезненно воспринимаю каждый шелест моего платья, каждый скрип половицы под моими атласными туфлями.

Я прижимаю ухо к ближайшей двери. Ничего. Для уверенности я открываю ее, но комната оказывается пуста. Я проверяю следующую дверь. Все так же пусто.

Берясь за ручку следующей двери, я слышу тихий вздох. Так дышит человек, которому осталось жить всего несколько мгновений.

Я тщательно оцениваю свои возможности. У меня есть лишь один шанс спасти жертву выходца. Если я ворвусь внутрь, фейри может убить человека до того, как я выстрелю.

Осторожно отодвинув юбки в сторону, я достаю электропистолет из кобуры на бедре и сжимаю рукоять оружия, когда приоткрываю дверь, чтобы заглянуть внутрь.

Огромная туша выходца нависает над жертвой в углу комнаты, рядом с кроватью под балдахин. Почти двухметровая мускулистая тварь выглядит как полуразложившийся тролль. Свалявшиеся пряди грязных, липких волос свисают с его черепа, чередуясь с лысыми пятнами. Кожа существа бледного оттенка мертвой плоти, тут и там то гниющая, то отслаивающаяся от мяса. В щеке зияет дыра, сквозь которую виднеются кости челюсти и ряд зубов. Фейри могут вылечить бóльшую часть повреждений меньше чем за минуту, но это истинный облик выходцев. Они совершенно омерзительны и похожи на трупы.

Пальцы фейри погружены глубоко в грудь джентльмена, которого я немедленно опознаю как лорда Хепберна. Его жилетка пропитана кровью, а кожа приобрела синеватый оттенок.

Когда фейри высасывают из человека энергию, их обоих окутывает удивительное белое сияние. Лорд Хепберн еще не переступил эту грань, но скоро это случится.

Задерживая дыхание, я плавно поднимаю электрический пистолет до уровня груди выходца, целясь в отверстие на его плоти. Моя рука сжимается, большой палец мягко скользит по резному орнаменту на рукояти пистолета.

«Сдвинься, – мысленно говорю я выходцу, – хоть чуть-чуть, чтобы я не ранила нашего гостеприимного хозяина».

Фейри не двигается, и у меня нет возможности стрелять. Время вмешаться.

Я опускаю пистолет и захожу в комнату, громко закрывая за собой дверь.

Выходец поднимает голову и обнажает два ряда длинных острых зубов. От низкого громкого рыка волосы на моих руках становятся дыбом.

Я очаровательно улыбаюсь:

– Привет.

Я замечаю легкое шевеление лорда Хепберна, и это меня немного успокаивает. Слава богу, еще жив. Черные глаза выходца следят за мной, пока я подхожу к бархатному дивану, но сам он остается на месте, с жадностью высасывая энергию из бедняги.

Мне нужно снова привлечь его внимание.

– Оставь его, мерзкая тварь!

Чудовище шипит, и я делаю шаг вперед.

– Я сказала, оставь его в покое. Немедленно!

Когда существо отпускает лорда Хепберна и выпрямляется во весь рост, я снова с силой сжимаю пистолет. Теперь, когда фейри не ест, привкус аммиака и серы вернулся и обжигает. Существо возвышается надо мной, мускулистое и сочащееся какой-то прозрачной жидкостью, к которой я предпочитаю не присматриваться.

Фейри издает еще один рык, и меня наполняет знакомое чувство волнения. Мое сердце бьется быстрее. Моя кровь закипает, а щеки горят.

– Айе, вот так, – шепчу я. – Возьми меня вместо него.

Фейри прыгает.

Я прицеливаюсь, но фейри движется молниеносно, намного быстрее, чем я ожидала. Тварь выбивает оружие из моей руки прежде, чем я успеваю выстрелить, и швыряет меня на стену. Обои рвутся. Ваза, стоящая на полке недалеко от нас, разбивается. Сквозь шум бьющегося стекла я слышу, как по половицам скользит пистолет.

«Да, черт возьми!»

Существо раскрывает пасть. Слюна капает на мой шелковый лиф. Тошнотворная вонь разложения, смешанная с запахом сырой земли, ударяет в нос. Я давлюсь, не в силах справиться с собой.

Рыча, фейри все сильнее зажимает меня между собой и стеной, у которой я оказалась. Мои ноги болтаются в воздухе. Когти дерут ткань платья на моей талии. Я пытаюсь бороться.

Мне нужно высвободиться до того, как выходец начнет высасывать мою энергию, но я зажата между стеной и его широкой грудью. Мышцы фейри раздуваются, когда тварь старается удержать меня, разрывая мое платье и сорочку, пытаясь добраться до кожи. Небольшие порезы горят, словно их прижигают. Затем выходец запускает когти в мое тело.

Фейри вдыхает энергию, которую вырвал из меня. Боль расцветает в груди и распространяется по телу. Как иголочные уколы. Тысячи и тысячи тонких невыносимых уколов по всему телу.

– Соколиная охотница, – рычит выходец, обнажая окутанные слюной зубы в ужасной улыбке. – Соколиная охотница.

Речь его похожа на низкий горловой хрип, и я с трудом разбираю ее. Кровь кипит под моей кожей. Боль едва переносима.

Глаза фейри закрыты, и, по мере того как я теряю силу, тело твари становится все более неподвижным.

«Перестань бороться, – решительно говорю себе. – Сосредоточься!»

Я позволяю себе обвиснуть в руках фейри. Тварь притягивает меня ближе, чтобы мой лоб лежал на ее скользкой шее. Я притворяюсь, что ослабела, чтобы казаться полумертвой, и при этом отчаянно пытаюсь вырвать зажатую между нами руку, мелкими движениями дергая ее в сторону. Рука падает вдоль тела якобы безвольно. Мое тело стало камнем там, где должны быть кости и плоть.

В этот миг моя кровь превращается из горячей в самый мертвый из видов льда. Мои зубы стучат. Я с ужасом понимаю, что мое дыхание стало видимым, словно температура в комнате резко упала.

Мои онемевшие руки сжимаются в кулаки. Если мне предстоит умереть, я умру сражаясь. Не шадить ни одного фейри – не как моя мать.

Сила возвращается. Я яростно кричу и ударяю кулаком в мягкий участок на животе выходца.

Существо воеет и шатается.

Я падаю на пол и ползу, чтобы хоть немного отдалиться от него. Я пытаюсь встать, но перед глазами расплываются какие-то пятна. Мои ноги запутываются в платье – проклятом, неудобном, удушающем платье! – и я спотыкаюсь.

Я поднимаю взгляд в тот самый миг, когда фейри приходит в себя. Тварь снова прыгает, но у меня получается прокатиться под ее телом.

В висках стучит боль, но я игнорирую ее. Подбираю юбки, чтобы добраться до рукояти *скин ду*¹¹, скрытого в ножнах на моем втором бедре, и в это время фейри вскидывается на ноги и прыгает. Я прижимаюсь к полу. У меня есть не больше секунды, чтобы снова прицелиться в мягкий участок на его теле.

У меня не будет другого шанса застать тварь врасплох, и я погружаю кинжал в его массивный торс.

Фейри хрипит и барахтается, опрокидывая, похоже, очень дорогое кресло из красного дерева.

Скин ду всего лишь отвлечет выходца на несколько секунд, пока рана не затянется. Где, черт возьми, электропистолет? Мой взгляд мечется по комнате, перебегая с мебели на ковер, и...

Там! Под туалетным столиком я замечаю металлический отблеск пистолета.

Позади меня фейри поднимается и хватается за кинжал, торчащий из его живота. Я ныряю за пистолетом, хватаю его и перекатываюсь на спину, чтобы прицелиться. Генератор пистолета гудит, проводники натягиваются над стволом. В дуле пистолета оголенные провода раскрываются, как цветочные лепестки.

Фейри с воплем выдергивает *скин ду* из своего тела, роняет его на пол и скалится, обнажая острые зубы. Из горла твари вырывается низкий, грохочущий рык, и она снова бросается на меня.

Я целюсь фейри в грудь и спускаю курок.

Первой из дула вылетает капсула *сейгфлюра*, а через долю секунды за ней следует сильнейший разряд электричества, прошедший по центральному стержню. Оба попадают прямо в мускулистую, сочащуюся телесными жидкостями грудь твари.

Выходец хватается за рану. У точки входа быстро формируется похожая на папоротник фигура Лихтенберга. Я наблюдаю, как она расцветает, когда *сейгфлюр* распространяется по телу существа.

Массивная туша фейри, задыхаясь, падает на пол у моих ног.

Тяжело дыша, я жду, когда настанет мой любимый момент. Когда фейри испустит последний вздох.

Когда это происходит, сила твари скользит в меня, гладкая, жаркая, мягкая, как прикосновение шелка к коже. Я вздрагиваю, когда привкус аммиака и серы исчезает, оставляя вокруг меня жаркое облако силы.

Я чувствую. Я *чувствую себя*. Сильной, несокрушимой, способной на все. Изысканное свечение радости заполняет меня, гася ярость. В эту секунду я снова целая. Я не разбита и не пуста. Темная часть внутри, заставляющая меня убивать, молчит. Я свободна. Я цельная.

Ощущение силы, как и облегчение, исчезают слишком быстро. И, как всегда, я остаюсь со знакомой болезненной яростью.

– Лорд Хепберн? – Я похлопываю его по щеке. – Очнитесь.

Его раны меня беспокоят. Кто-то помоложе мог бы пережить их, но лорду Хепберну семьдесят два. Он может справиться с небольшой потерей энергии, но порезы на груди такие глубокие, что все вокруг пропитано кровью. Я должна немедленно заняться ими.

Лорд Хепберн что-то бормочет. Я воспринимаю это как хороший знак.

– Милорд, – осторожно говорю я, стараясь не повышать голос. – У вас есть швейный набор?

Он стонет.

– Проклятье... – бормочу я. – Проснитесь!

Он медленно открывает глаза.

– Мисс Гордон?

Его глаза блестят от боли, когда он щурится в мою сторону.

Боже! Гордон – девичья фамилия жены лорда Хепберна. Должно быть, сила фейри ощутимо ударила по нему; возможно, она заставила его думать, что он молодой холостяк, встретивший здесь свою будущую жену.

– Айе, – мягко отвечаю я. – Это мисс Гордон. И я хотела бы знать, есть ли у вас швейный набор.

– В изголовье, – говорит он едва слышно.

Слава богу! Многие богатые семьи не считают нужным иметь у себя швейный набор – они вызывают врача, чтобы тот принес его. Я бросаюсь к изголовью кровати. Возле лампы лежит маленькая восьмиугольная золотая шкатулка. Я снова становлюсь на колени возле лорда Хепберна и прижимаю шкатулку к его груди, над его ранами.

Он нащупывает мое запястье и вздрагивает.

– Я не мог увидеть...

– Напавшего на вас, – мягко договариваю я за него. – Я знаю. Сейчас может быть немного больно.

Я поворачиваю ключ в основании шкатулки и отстраняюсь.

Панели на крышке коробочки разъезжаются в стороны, и из маленького отверстия появляются сшивальщики. Крошечные механические паучки забираются ему на грудь, скрепляя раны тонкими нитями. Я наблюдаю, как разорванная плоть соединяется идеально ровными швами.

Процесс не безболезненный. Лорд Хепберн тяжело дышит, его худощавое тело дрожит, рука сжимает мою руку.

– Почти готово, – подбадриваю я. Не знаю, зачем говорю это – он вряд ли вспомнит, что я была здесь.

Лорд Хепберн едва заметно улыбается.

– Благодарю вас.

Мгновение спустя он теряет сознание.

Я думаю о том, как наслаждалась ощущением от смерти выходца, вместо того чтобы оказать неотложную помощь лорду Хепберну. О том, что выслеживала тварь – в основном ради мести, а не из-за чего-то еще. Своеобразный я герой. Я не заслуживаю его благодарности.

Сшивальщицы завершают свое занятие и возвращаются в металлическую шкапулку. Как только они оказываются внутри, я убираю изобретение с груди лорда Хепберна и нащупываю его пульс. Он ровно бьется под моими пальцами. Еще один обнадеживающий признак.

Я подхватываю его под мышки и затачиваю на кровать. Сомневаюсь, что лорд многое вспомнит, очнувшись. Но если вспомнит, надеюсь, у него хватит ума не рассказывать о невидимом противнике.

Я изучаю себя перед зеркалом, висющим возле часов, и оцениваю ущерб. Господи, я ходячий кошмар модницы! Упругие медные локоны выбились из моей когда-то уложенной прически, лиф платья и корсет изорваны, видна испачканная кровью кожа. Выходец порезал меня достаточно глубоко, так что придется накладывать швы.

Я смотрю на часы, висящие на противоположной стене, и тихо ругаюсь. Бал почти подошел к концу, и у меня нет времени заниматься ранами – уверена, к этому времени уже все заметили мое отсутствие. Все, что мне остается, – это привести в порядок волосы и одежду. И возможно, перед возвращением в бальную залу отпороть одну широкую ленту от подола платья, чтобы обвязать ею разорванный лиф.

Со вздохом я переступаю через тело мертвого фейри и направляюсь к двери. Никто не заметит, если я оставлю его здесь – в течение часа фейри полностью распадаются. Даже если кто-то раньше времени обнаружит спящего лорда Хепберна, они все равно ничего не увидят.

Я киваю спящему хозяину.

– Приношу свои извинения, милорд. Я бы прибралась, но другие дела требуют моего присутствия.

Когда я возвращаюсь в бальную залу, последний вальс уже начался. Кэтрин стоит одна у высоких напольных часов, возле камина, золотистые волосы блестят в свете лампы, парящей прямо над ее головой. Она переступает с ноги на ногу, наблюдая за дверью, словно ей очень хочется оказаться в другом месте.

Оркестр начинает играть, и оставшиеся пары танцуют. Я прокладываю себе путь к стене бальной залы, обходя столик с напитками. Уровни напитка в автоматах для пунша показывают, что они все пусты.

Мурлыча мелодию вальса, я останавливаюсь рядом с Кэтрин, кутаясь в шаль, чтобы скрыть кровь, которая вполне может просочиться сквозь повязку из ленты, которой я затащила лиф.

– Мигрень прошла, – говорю я.

Кэтрин, возвращая мою сумочку, испытывает явное облегчение.

– Слава богу, ты здесь. Гости осведомлялись о тебе, и матушка досаждала предложениями уйти. Не знаю, сколько бы еще мне удалось их сдерживать.

– Ты золото. Я ценю твои попытки сохранить мою репутацию. – Я киваю в сторону пар. – Почему ты не танцуешь?

– Ты же знаешь, моя матушка считает вальс неприличным.

Я наблюдаю за танцующими. Они кружатся по зале, соприкасаясь телами. Близко, интимно. Таким и должен быть танец.

– Твоя матушка и в ножке кресла увидит неприличное, – говорю я.

Кэтрин роняет смешок, совершенно не подобающий леди, что в данном случае мне особенно нравится.

– Айлиэн!

– Что? Я думала, вальс уже довольно много лет как принят обществом.

– Ах, скажи это *ей*, – отвечает Кэтрин с иронией. – Я с удовольствием послушаю, как матушка читает об этом лекции кому-нибудь другому.

– А где глубокоуважаемая леди? – Я оглядываю бальную залу. – Использует возможность приблизиться к оставшимся джентльменам «в твою пользу»?

– Боюсь, меня уже всем представили. – Кэтрин кивает куда-то мне за плечо. – А она смотрит на *тебя*.

Я оборачиваюсь. Леди Кэссилис стоит в компании друзей, других матрон Эдинбурга, чьи дочери еще не замужем. Они, несомненно, обсуждают свои планы по заманиванию бедных, глупых мужчин Эдинбурга, но, кажется, виконтесса их не слушает.

Господи! Она хмурится так, что могла бы отпугнуть и выходца. Я смотрю на кривой бант, которым завязала лиф платья, прикрывая рану. Возможно, я выгляжу хуже, чем думала. Вероятно, леди Кэссилис снова и снова задается вопросом, почему она позволила Кэтрин уговорить ее отвечать за меня на официальных мероприятиях.

Очаровательно улыбаясь, я машу ей. Если бы я в нее плюнула, она выглядела бы менее потрясенной.

– Думаю, она злится на меня.

Я улыбаюсь Кэтрин.

– Ты пропустила пять танцев! *Конечно*, она злится на тебя. Надеюсь, твоя мигрень этого стоила.

– Так и есть, – отвечаю я.

Кэтрин рассматривает мои волосы, лицо, изучает нелепо повязанную ленту на лифе.

– Прости за прямоту, но выглядишь ты ужасно.

Я беззаботно машу рукой. Парикмахерское искусство в число моих талантов не входит. Как, по-видимому, и завязывание лент в попытке спрятать свои раны.

– Какие ужасные слова! – говорю я. – А что, если я только что избежала затруднительной ситуации?

Кэтрин вновь оглядывает меня с головы до ног.

– С большим трудом, полагаю.

– Твоя вера в меня окрыляет.

Я осматриваюсь. Никто не обращает на нас внимания. Некоторые пары собираются выходить из залы, решив, что вечер окончен.

– Смотри, больше никто не заметил, что я выгляжу как-то не так.

– Они просто осоловели от пунша. Кто-то, должно быть, разбавил его большим количеством спирта.

Так вот почему автоматы для пунша были пусты!

– Не могу поверить, что пропустила это, – говорю я. – Как досадно!

– Не меняй тему. Расскажи, что произошло.

– Ладно, хорошо. Это был фейри. – Я решаю поделиться долей правды, просто чтобы увидеть ее реакцию. – Один из самых мерзких. Вроде тех чудовищ под кроватью, которых ты боялась в детстве.

– Хорошо, – сухо отвечает Кэтрин, – можешь не рассказывать. Но на ленч я требую дополнительные сэндвичи в качестве компенсации за то, что половину вечера провела без тебя. Ты оставила меня одну.

– Договорились.

После несколько затянувшегося прощания леди Кэссилис с друзьями она, Кэтрин и я садимся в летательный аппарат, который должен за час перенести нас домой из поместья Хепбернов, находящегося за городом. Кэтрин пытается вести непринужденную беседу, но в конечном счете сдается. Леди Кэссилис всю поездку хмуро смотрит в окно. Тишину нарушают гул мотора и хлопанье крыльев экипажа, пока мы летим сквозь плотные облака.

Когда мы приземляемся на площади Шарлотты, в экипаже все еще царит тишина. Водитель леди Кэссилис спрыгивает на землю, помогает мне спуститься и закрывает за мной дверцу. Леди Кэссилис слегка приоткрывает окно и кивает мне с молчаливым неодобрением. Очевидно, она не простила меня.

Я киваю в ответ и – как мелочное создание – улыбаюсь только Кэтрин.

– Доброй ночи, Кэтрин.

– Увидимся во время ленча, – отвечает Кэтрин. – Хороших снов.

Леди Кэссилис фыркает и захлопывает окно.

Водитель и я выходим на дорожку, ведущую к моему дому. Высокое белое здание в неоклассическом стиле, шестое из самых больших резиденций в нашем квартале. Девять окон украшают его фасад – что служит моему отцу поводом для немалой гордости, несмотря на то, как чертовски высок налог на окна в этом округе, – с каменными колоннами, обрамляющими шестерку верхних окон. Внутри темно, разве что из-под занавесок в вестибюле пробивается серебристый свет.

Холодный ветер подхватывает и треплет мои волосы. Я вздрагиваю и кутаюсь в накидку. Водитель провожает меня до двери.

Я дергаю за ручку, чтобы убедиться, что звонить слугам не нужно. Не заперто.

– Благодарю вас, – говорю я. – Можете дальше меня не провожать.

Кланяясь, он отвечает:

– Доброй ночи, миледи, – и возвращается.

Мотор запускается с пронзительным свистком и пытением, а крылья по краям машины трижды хлопают. Скрипя, она поднимается над вымощенной булыжником улицей. Горячий ветер ударяет в меня, когда экипаж медленно поднимается в воздух, исчезая в густых тучах.

Я вхожу в вестибюль. Из подвала слышится громогласный смех – кухонный персонал, должно быть, отдыхает после трудового дня. Поскольку мой отец редко бывает дома, все остальные помещения пустуют.

На задней стене горит небольшой фонарь, отбрасывающий в холл густые темные тени. Я щелкаю выключателем, убирая свет, и мимо портретов предков поднимаюсь к себе в комнату. Наш семейный портрет раньше располагался в верхней части лестницы, но после смерти матушки отец спрятал его в одной из комнат. Крюк, на котором он висел, все еще там и четко выделяется на фоне светлых обоев.

Оказавшись наконец в своей комнате, я тяну рычаг у двери, запуская механизм освещения. Под потолком включаются и мурлычут механизмы. Светильники, свисающие с балок на потолке, мерцают, затем становятся ярче.

Интерьер напоминает корабельную каюту. Стены обшиты тиковым деревом с маленькими лампочками между деревянными панелями. К дальней стене прикреплен штурвал от шотландской шхуны, обрамленный картами Внешних Гебридских островов и украшенный маленькими стеклышками, которые мы с матушкой собирали на пляжах в течение множества выходных.

Комната была построена согласно моим предпочтениям. Матушка часами сидела со мной, рисуя планы постройки. Это должен был быть очередной из наших проектов, один из многих. Только после ее смерти я наняла команду строителей и добавила несколько секретных деталей на свой вкус.

Как обычно, здесь царит беспорядок. Мои теперешние варианты оружия для убийства фейри разбросаны на рабочем столе из красного дерева в центре комнаты, остальной арсенал заперт в сундуке возле красного же бархатного дивана.

Когда я, уставшая, собираюсь сесть и снять туфли, раздается стук в дверь.

– Айе?

В комнату заглядывает служанка.

– Могу я войти, леди Айлиэн?

– Конечно.

Дона закрывает за собой дверь. Отец нанял ее три недели назад, чтобы она помогала мне одеваться и готовиться к официальным мероприятиям. Дона – застенчивая девушка не старше пятнадцати, со светлыми волосами, туго собранными на затылке. Она ниже меня, и ей часто приходится становиться на носочки, чтобы дотянуться до верхних пуговиц на моих платьях.

Я встаю. Дона проскальзывает мне за спину и начинает расстегивать мое платье. Если бы не она, я не сдержала бы желание сорвать несносную вещь и швырнуть ее через комнату.

– Вы что-то сказали, миледи?

– Хм...

Господи, я говорила вслух, не осознавая этого? Я тру глаза.

– Я просто устала.

– Надеюсь, вы хорошо провели время на балу? – спрашивает она.

«Ох, айе. Убила фейри. Мой пятый за эту неделю».

Я откашливаюсь.

– Вполне.

Дона расстегивает еще несколько пуговиц, затем останавливается.

– Простите, миледи, но эта лента была здесь и раньше? Я не помню...

– Я добавила ее, – быстро отвечаю я. – Если ты расшнуруешь корсет, остальное я смогу снять сама.

От усталости я совсем забыла о ленте. Даже самая сдержанная служанка могла бы запаниковать при виде разорванного лифа и раны. Мне повезло, что кровь не пропитала ткань. Я довольно умело лгу, когда того требуют обстоятельства, но даже я не нашлась бы, как это объяснить.

Дона колеблется, но отвечает:

– Как скажете. – Она заканчивает расстегивать пуговицы и начинает расшнуровывать мой корсет. – Я хотела спросить, не видели ли вы мышь?

– Нет. У нас завелись грызуны?

– Не... совсем. – Дона наклоняется, чтобы прошептать: – Я слышала поскребывание, миледи. Из вашей гардеробной.

– Да ну... – сухо отвечаю я. Лучше бы это была мышь...

– И кажется, я слышала пение, – шепчет она достаточно тихо, чтобы можно было решить, что Дона говорит сама с собой.

– Пение? – Я замираю, и холод прокатывается по моему позвоночнику.

– Пустяки, – быстро говорит она. – Уверена, мне показалось.

Я тяжело сглатываю.

– Я попрошу МакНэба проверить мою гардеробную.

Мне очень хочется дать ей пачку банкнот – достаточную для жизни, пока она не найдет новое место, – и велеть убираться из моего дома ко всем чертям и никогда не возвращаться в Эдинбург. Нэй, в Шотландию.

Дона заканчивает расшнуровывать мой корсет.

– Только остерегайтесь фейри, – говорит она со смехом. – Моя бабушка рассказывала, что иногда они поселяются в шкафах и гардеробных.

В детстве я тоже слышала истории о фейри. Ни один ребенок в Шотландии не мог вырасти без них или без доброй доли суеверий.

Но их всегда представляли нам как жуткие сказки и никогда – как реальный факт. Брат Кэтрин раньше пугал нас этими историями, советуя спать чутко, чтобы фейри не похитили нас из кроватей. Со временем я перестала верить в эти небылицы. Пока не узнала, что все истории реальны.

Среди шотландцев есть и те, кто до сих пор верит в реальность фейри, но количество верящих все уменьшается. Очень мало кто из людей способен воспринять фейри, и это число еще более сокращали попытки Шотландской Церкви избавить нас от верований, которые стали считаться некультурными.

Но до сих пор среди героев детских сказок в нашей стране преобладают фейри.

– Что еще она говорила? – не могу не поинтересоваться я.

– Что феи закончат любое дело, о котором вы мечтаете, – отвечает Дона, – в обмен на вашу душу. Что мне всегда нужно носить при себе железо для защиты.

Я сглатываю. И жалею, что не могу сказать ей: железо не поможет и никогда не помогало. Что я чуть не умерла однажды, поскольку верила, что оно меня защитит.

– Но это же глупо, не так ли?

– Да, это глупость, – бормочет Дона, помедлив.

Не сомневаюсь, она верит в сказки своей бабушки. Она отступает.

– Вам понадобится что-то еще?

– Нет, спасибо. Доброй ночи.

Я закрываю дверь и жду, пока ее шаги не стихнут в конце коридора.

– Деррик, – говорю я пустой комнате, – а ну вылезай из гардероба.

Дверь рывком распахивается и ударяется в стену. Слабый привкус специй и имбирного хлеба появляется на моем языке за миг до того, как шарик света размером не больше моей ладони вылетает из гардеробной.

– Что за глупая девчонка! – возмущается Деррик. – Что бы я делал с ее душой?!

Несмотря на размер, голос у Деррика глубокий и низкий, как у мужчины. Он пролетает над моим рабочим столом и садится на металлическую деталь. Свечение вокруг него исчезает, показывая миниатюрное красивое существо с маленьким носом, бледной кожей и копной черных волос на макушке. Тонкие прозрачные крылья торчат из батистовой рубашки и обрамляют крошечное тельце. С его плеча, доставая до бедра, свисает кисейный мешок.

Деррик живет в гардеробной, где штопает мою одежду за вознаграждение в виде ежедневной чашки меда. Правда, иногда он занят делом, совершенно противоположным *штопанью*. Я вижу, что ткань для его черных штанов взята с одного из траурных платьев, которые я позабыла выбросить несколько недель назад.

– Ее страхи не совсем беспочвенны. Твои собратья-фейри действительно кажутся любителями поедать...

Я замолкаю, не желая обижать Деррика. Он маленький, но, почувствовав себя оскорбленным, может создать большой беспорядок.

– Фу, это отвратительно! Людские души на вкус как овсянка.

Вот и не оскорбила его.

Такие крошечные феи, как Деррик, почти не охотятся на людей. Они могут забирать энергию, если захотят, но этого будет недостаточно, чтобы убить или даже серьезно ранить человека. Если бы они были так же могущественны, как и остальные, я не позволила бы Деррику остаться, когда спустя несколько ночей после смерти матушки впервые обнаружила его в саду за домом.

Я киваю в сторону двери:

– Не хочешь объяснить это?

– Деревянная обшивка, – отвечает он. – Очень прочная. Приятно пахнет.

– Ты знаешь, о чем я. Дона может слышать тебя.

Он подмигивает мне, очевидно не беспокоясь по этому поводу.

Я тяжело вздыхаю.

– Я думала, только у мужчин есть Зрение. Ты говорил так.

Деррик пожимает плечами.

– Она им не обладает. Она просто восприимчивый ребенок, вот и все.

– Это я поняла.

– Не нужно сердиться, – говорит он. И начинает сиять, а ореол вокруг него мерцает золотом. – Она редко может меня чувствовать. Большую часть времени она игнорирует мое присутствие, как и остальные из твоей расы.

– Мне все равно. И как давно ты это знаешь?

Он берет со стола зубчатое колесико и изучает его.

– Неделю.

– Семь дней! И даже не подумал сказать мне?

Деррику, кажется, нет никакого дела до этого, словно я спрашиваю его, почему он не потрудился рассказать мне о ткани, из которой сшил себе штаны.

Я оцениваю худшие из возможных сценариев. Что, если фейри когда-нибудь проследят за мной до самого дома? Что, если кто-то из фейри узнает, что моя служанка способна время

от времени чуют ему подобных? У тонко чувствующих и Видящих можно отнять больше энергии, чем у обычного человека. Эта девушка – ходячая мишень, и она даже не знает об этом.

– Я не думал, что это важно, – бормочет он, – поскольку точно не буду вредить ей.

Он засовывает шестерню в свой мешок.

– Положи на место, вор, – говорю я.

– Но...

– Как и все остальное.

Деррик неохотно вытаскивает деталь из сумки и бросает на стол. Затем еще одну. И еще одну.

– Ты ведь не станешь увольнять Дону?

– Конечно стану, – говорю я. – Господи, эта бедная девочка должна покинуть страну! Не думаю, что в Вест-Индии есть фейри, так ведь?

Деррик смотрит на меня, словно говоря: «Ага, размечталась».

– Она *лучше* всех убирает у меня дома, – канючит он, доставая из своего мешка золотую пуговицу, которую, судя по всему, взял из папенькиной гардеробной. – И пользуется этой своей субстанцией с запахом роз. Это наводит меня на мысли о весне, водопадах и прекрасных девушках.

Я закатываю глаза.

– Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы я и дальше подвергала опасности свою рассеянную служанку лишь потому, что тебе нравится запах ее моющего раствора?

– Ну... – Он выглядит немного смущенным. – Айе.

– Что ж, по крайней мере это честный ответ. – Я открываю дверь в гардеробную и вздыхаю. Повсюду разбросаны оборки и шелка, юбки и подъюбки. – И неудивительно, что ты хочешь ее оставить. *Кому-то* же нужно прибираться здесь.

Деррик, жужжа крыльями, взлетает и устраивается у меня на плече.

– Я предпочитаю, чтобы она этого не делала. Мне так больше нравится.

– Это выглядит отвратительно!

– Как ты смеешь! – Его крылья бьют меня по уху. – Ты оскорбляешь мой дом.

Его крылья ранят меня.

– Следи за своим поведением или сегодня не получишь от меня ни капли меда.

Деррик успокаивается и садится возле моей шеи.

– Жестоко.

Деррик мог бы красть отовсюду, если бы захотел. Но именно моя готовность снабжать его запасами меда и постоянная потребность штопать одежду делают его счастливым. Крошечные феи – штопальщики произвольные. Они известны воровством изношенной одежды, чтобы постоянно быть при деле, – Деррик говорит, что это держит в форме его правую руку. Мед – это то, что он предпочитает получать за свои услуги, даже несмотря на мои намерения снабжать его медом независимо от того, шьет он или нет. Он без ума от этого.

– Со мной можно идеально сосуществовать, и ты это знаешь, – говорю я. – А сейчас, если не возражаешь, я собираюсь одолжить твой дом, чтобы переодеться.

Деррик взлетает с моего плеча и возвращается на стол. Подозреваю, что во время моего отсутствия будут украдены еще детали.

Я закрываю за собой дверь гардеробной и нажимаю на кнопку, чтобы включить свет. Вряд ли хоть какие-то платья остались на полках. Воздух наполнен ароматом роз. Я неохотно

признаю, что Деррик прав – пахнет действительно божественно.

Я быстро развязываю бант, затянутый на груди. Кровь присохла к ткани, и я вздрагиваю, снимая многослойный подъюбник и сорочку, которые стесняли меня весь вечер. Следующими идут обе кобуры на бедрах – для пистолета и *скин ду*.

Осмотрев себя, я обнаруживаю пять поверхностных и четыре глубоких пореза, рассекших веснушчатую кожу прямо под грудью. На глубокие нужно будет наложить швы.

Я провожу пальцами по воспаленной коже на ребрах. Никто не знает, что под красивыми платьями я скрываю тело с рубцами, порезами и синяками. Старые раны покрывают мои бедра, живот, спину. Они мои медали. Мои тайные символы выживания и победы. И мести. Я могу назвать каждого фейри, оставившего шрам. И я помню, как убивала каждого из них.

Со вздохом я откидываю крышку сундука, достаю швейный набор, ложусь на пол посреди разбросанных платьев и поворачиваю ключ в основании шкатулки. Крошечные механические паучки ползут по моей груди и животу, накладывая швы на израненное тело.

Я закрываю глаза. И слушаю движение их тел, шепот крошечных механических деталей, трущихся друг о друга по мере того, как тонкие ножки пробираются по моей коже.

Они колот меня снова и снова, прижигая и протягивая тонкую нить сквозь мою чувствительную плоть. Наконец я чувствую, что они закончили и ползут обратно в шкатулку.

Я открываю глаза и кладу набор обратно в сундук. В гардеробной царит тишина. Мои талия и грудь покрыты кровью из четырех заштопанных ран, которые станут новыми медалями.

Я тянусь за тканью, чтобы стереть кровь, и достаю из-под платьев старый изношенный тартан.

У меня перехватывает дыхание, на глаза наворачиваются слезы, а грудь начинает болеть.

Я загалкиваю тартан в сундук и с шумом захлопываю его, пытаюсь перевести дыхание.

Это, должно быть, Деррик выкопал тартан из самого дальнего угла гардеробной.

Как бы мне хотелось сжечь его, пусть даже это последнее напоминание о матушке! Мне удалось спрятать тартан прежде, чем отец приказал убрать из дома ее самые любимые вещи. Он сказал, что больше не может их видеть, словно их присутствие дает ему надежду на ее возвращение.

Я все понимала. Даже это последнее напоминание о матери делает ее отсутствие более ощутимым. Поэтому тартан остается спрятанным там, где мне не хочется обнять его, или заснуть с ним, или надеть его в тщетной попытке притвориться, что она все еще жива. Притворство лишь сделает реальность еще более мучительной.

Я хватаю с пола маленький носовой платок и опускаю его в кувшин с водой, который Деррик оставил для меня возле выставленных в ряд туфель. Он всегда предвидит, что я приду домой с ранами, которые нужно промывать. Он ни разу не ошибся.

Я осторожно вытираю покрытую кровью кожу и надеваю ночную рубашку. Когда я выхожу из гардеробной, Деррик, скрестив ноги, сидит на моем рабочем столе, перебирая металлические детали и, несомненно, решая, какую из них украсть следующей.

– Убирайся отсюда, – говорю я, щелкая выключателем, чтобы зажечь камин. Искры под углем быстро превращаются в пляшущее пламя. Я бросаю окровавленную ткань в огонь.

Деррик взлетает, чтобы устроиться на спинке большого розового стула, стоящего возле дивана.

– Но они просто валяются там, блестят себе и не используются.

– Как насчет другого занятия, которое поможет тебе потренировать пальцы? – Я поднимаю разорванное бальное платье. – Видишь? Оно полностью испорчено, как раз как ты любишь.

Вокруг него появляется ореол света.

– Какого черта произошло? – оживляется Деррик.

– Выходец, – отвечаю я.

Я бросаю платье, и Деррик с легкостью ловит его за рукав. Я знаю, что пикси сильнее, чем выглядят, но эта его непринужденная сила не перестает меня удивлять.

– Не стесняйся работать с ним.

Я наконец-то научилась не говорить «спасибо» за то, что он штопает мои платья. Благодарность сильно оскорбляет фейри.

Деррик бросает платье на диван и оценивает ущерб.

– Почти достал тебя, не так ли?

– Почти.

Я прижимаю пальцы к новым медалям. Они все рассказывают истории, каждая свою, отдельную и значительную. Одна отметина, самый длинный шрам, идущий вдоль позвоночника, – первая из полученных мною. Она рассказывает историю о девушке, которая только-только потеряла мать и едва не умерла сама, когда вышла в мир, вооружившись железом. Девушке, которая потом превратилась в убийцу.

Я сажусь в свое рабочее кресло и беру в руки старинные часы на цепочке, лежащие среди обрезков металла.

– Конечно, я застрелила его, – бормочу я.

– Отличная работа, – говорит Деррик. Он поднимает мое платье, чтобы осмотреть его, и взмахивает крыльями. – Ты забрала его голову?

Его голос полон надежды. Крошечные феи действительно ненавидят больших фейри за то, что те такие жалкие и живут за счет энергии более слабых существ. Они считают это низостью.

– Конечно нет. Что, черт возьми, я буду делать с головой выходца?

Он начинает сиять сильнее, кожа отликает золотом.

– Возьми ее в качестве трофея, насади на кол и выставь в саду за домом, где все смогут ее оценить.

– Деррик, это отвратительно!

Но на самом деле шутка мне нравится.

– Ты так думаешь? – Он достает из своего мешка иголку и нитку. – Во времена моей молодости мы демонстрировали наши трофеи, танцевали вокруг них и объедались фруктами.

– Я не знаю, что ответить на это.

Деррик только улыбается и начинает зашивать мое платье.

– Ах, счастливые воспоминания...

Я киваю. Но когда я наклоняюсь, чтобы взять со стола отвертку, он добавляет:

– У меня есть новости.

Я замираю, не в силах сделать вдох. Новости... Когда Деррику есть чем поделиться, это всегда касается фейри, которая убила мою матушку, и ее последних убийств. У него своя информационная сеть, в которую входят крошечные фейри – брауни, блуждающие огоньки, букаллины, которые любят болтать и всегда готовы поделиться информацией в обмен на мед. В последнее время она начала убивать чаще, каждые несколько дней.

– АЙе?

Я стараюсь не выдать волнения, стараюсь, чтобы жажда мести не вылезла наружу. Каждую ночь я охочусь в надежде, что тварь, с которой я столкнусь, окажется ею. Но этого не происходит. Фейри, которых я убиваю, лишь заменители той единственной, которую я больше всего хочу уничтожить.

– На этот раз Стерлинг.

– Сколько?

Мой голос дрожит.

– Один.

Я так резко встаю со стула, что он едва не падает, направляюсь в дальний конец комнаты и останавливаюсь перед закрепленным штурвалом от шхуны. В дерево врезана маленькая, едва заметная кнопка, на которую я осторожно надавливаю дрожащими пальцами. Часть стены отходит в сторону и поворачивается, показывая спрятанную на обратной стороне карту Шотландии.

Абердин. Обан. Ламлаш. Тобермори. Данди. Инвернесс. Портри. Дюжина мест по всей стране, на Внешних Гебридских и других островах. Я отметила шпильками, обвязанными алыми лентами, каждый город, чтобы подсчитать, сколько убито людей в каждом из них.

Насколько мне известно, она – последняя существующая *baobhan sith*. Ее манера убийства всегда одинакова – не больше трех жертв в одном селении. Она никогда не задерживается в одном месте надолго. Она находит свою добычу ночью на дороге, завлекая или сильным ментальным воздействием, или невероятной красотой. Оказавшись на месте, она перерезает им горло и выпивает их кровь. И было лишь одно исключение в ее манере убийства: моя мать. Она вырвала ей сердце, но больше никого не тронула.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь не вспоминать.

«Не думай об этом, – говорю я себе. – Не думай об этом. Не думай об этом. Не думай об этом. Не...»

– Айлиэн? – нерешительно произносит Деррик.

Прокашлявшись, я открываю глаза и вынимаю шпильку и ленту из кожаного мешочка, висящего возле карты.

– Я в порядке.

Я прокалываю карту шпилькой и повязываю ее лентой.

Карта почти скрыта под булавками и алыми бантиками, слишком мало земли осталось нетронутой ее убийственными порывами. Сто восемьдесят четыре убийства за последний год. Я была не так занята, как она. Я начала выслеживать ее через две недели после убийства матушки. Мне ни разу не удавалось догнать ее или найти до того, как она отправится в другое место. Я не смогла предотвратить ни одно из ее убийств. И потому я терпеливо жду, готовлюсь, тренируюсь ради дня, когда встречу ее снова.

Последние две недели она орудовала в Шотландском нагорье, все ближе и ближе подбираясь к городу. Это только вопрос времени. И мне нужно запастись терпением.

Деррик усаживается мне на плечо, его крылья щекочут мою щеку.

– Они сказали, что она направляется сюда.

– Так и есть.

Я улыбаюсь и нажимаю на кнопку, чтобы спрятать карту.

Я снова сажусь за рабочий стол и отвинчиваю заднюю крышку часов. Сняв ее, я аккуратно вытаскиваю механизм, чтобы не повредить крошечные проволочки и шестеренки.

Нахмурившись, я изучаю три отдельные секции часов: как каждая из них работает и как они соединены друг с другом. Я медленно разбираю механизм, запоминая расположение каждой детали, прежде чем убрать ее. Некоторые детали такие крошечные, что приходится надевать медные увеличительные очки, чтобы лучше их рассмотреть.

Почти каждую ночь я придумываю новый проект. Когда матушка была жива, она помогала мне создавать небольшие приспособления для дома: фонари, которые включаются и выключаются нажатием пальцем; аппарат, подающий чай; парящая металлическая рука, которая помогает снимать книги с самой высокой полки в гостиной.

Я все их уничтожила после ее смерти. Я перестала создавать бесполезные вещи. Теперь старые детали превратились в оружие, созданное по моим эскизам. Всякий раз, когда уничтожают одно, я изобретаю другое. И в течение ночи создаю его.

Я никогда не знаю заранее, что это будет. Иногда я приступаю к работе лишь со слабой задумкой, работаю всю ночь, и к утру задумка превращается в нечто реальное.

Что угодно, чтобы не ложиться спать как можно дольше. В этот раз это подготовка к встрече с *baobhan sith*.

Я лезу в ящик и достаю свой дневник. Когда меня посещает вдохновение, я делаю эскизы, пока мои пальцы не становятся черными от угля, и вскоре части часов, с дополнениями, которые необходимы для превращения их в оружие, становятся чертежом на бумаге.

Я произвожу расчеты и записываю на углу простыни количество серы, угля, селитры и *сейгфлюра*.

Деррик отвлекается от шитья:

– Какое оружие ты изобретаешь на этот раз?

Я улыбаюсь.

– О, сам увидишь! Оно будет великолепно!

Когда *baobhan sith* вернется, я буду готова. Я заставлю ее заплатить за все эти сто восемьдесят четыре убийства.

Следующей ночью я готовлюсь к охоте.

Я надеваю шерстяные штаны и белую батистовую рубашку, заправляю ее за пояс брюк. Мои кожаные ножны пристегнуты и закреплены на бедре. Я обуваю сапоги высотой до середины голени, со шнуровкой по всей длине, застегивающиеся на три пряжки. Мои брюки заправлены в сапоги, чтобы ни за что не цеплялись, а длинный серый плотный шерстяной плащ завершает образ.

– Ты берешь с собой только кинжал? – спрашивает Деррик с полки над потухшими угольками в камине. Золотые искорки рассыпаются вокруг него, но гаснут, не долетая до пола.

– Конечно нет, – отвечаю я.

– Хорошо. Я бы сказал, его вообще не следует доставать.

Я ухмыляюсь. Однажды Деррик сказал мне, что нож бесполезен, поскольку оружием из железа я даже его не смогу убить.

– Он отлично сбивает мои жертвы с толку. – Я осторожно беру со стола переделанные часы с цепочкой. – И я опробую эту маленькую прелесть после встречи с Киараном.

Нужно проверить, подойдут ли часы в качестве оружия, которое я хочу использовать для убийства *baobhan sith*. У меня лишь одна попытка, чтобы сделать это убийство идеальным, наполнить его смыслом, и достаточно оружия, из которого можно выбрать, если данное не подойдет.

Деррик ворчит какое-то проклятие фейри, которое заканчивается словами «злбный ублюдок».

Он никогда не рассказывал мне, почему ненавидит Киарана, даже после того, как тот спас мне жизнь и тренировал убивать тех фейри, которых сам Деррик с удовольствием увидел бы мертвыми. И сомневаюсь, что когда-нибудь расскажет. Стоит мне упомянуть Киарана, как Деррик отвечает такими словами, что вогнали бы в краску даже портового грузчика. Его свечение уже достигло глубокого алого цвета, искры шипят вокруг.

Я кладу часы в карман.

– Конечно, так и есть, – говорю я. – Но мне все равно нужно идти.

Деррик скрещивает руки.

– Хорошо. Я возьму чашку меда в обмен на штопанье твоего платья.

– Половину, – говорю я.

Его требование необоснованно, и Деррик знает об этом.

Ореол вокруг него начинает светлеть. Фейри обожают торговаться. А что касается Деррика, мед – это наивысшая награда, которую он может получить. Единственный побочный эффект уступок ему – пьяное поведение впоследствии: все мои вещи начищены и отстираны до идеального состояния, а он валяется и ради развлечения выбалтывает свои планы.

– Полную, – снова говорит он.

– Половину. – Поскольку это может затянуться надолго, я добавляю: – И я не освобожу Дону от ее обязанностей, так что ты сможешь продолжать свои странные отношения с ее чистящим средством.

– Договорились, – отвечает он и машет крыльями.

– Значит, когда я вернусь, – говорю я.

Я нажимаю на деревянную панель возле камина. Она открывается, показывая группу маленьких стальных рычагов. Я тяну один из них, и прямоугольный участок стены с мягким свистом отделяется и медленно опускается в сад. Механизмы тихо щелкают по мере того, как рампа опускается и наконец устраивается на траве внизу. Это дополнение к комнате я построила, когда папенька отбыл в одну из своих многочисленных поездок, в процессе очередной смены наших домашних слуг – идеальный и тихий способ ускользнуть из дома.

Когда я спускаюсь в сад, Деррик говорит:

– Передай Киарану от меня сообщение.

– Дай угадаю: «Я побью тебя, если с леди, в чьей гардеробной я живу, что-то случится.

Кроме того, ты грязное ругательство из семи букв, на «у» начинается». Угадала?

– И я собираюсь однажды съесть его сердце.

– Точно. Прекрасно. Я передам ему.

Я толкаю рычаг, скрытый за высокой изгородью, и проход за моей спиной закрывается. Затем я наклоняюсь и поворачиваю диск, чтобы активировать запирающий механизм, и через личный сад проскальзываю на площадь Шарлотты.

После полуночи улицы Нового города всегда пусты. В домах не горит свет, вокруг тишина, нарушаемая только звуком моих шагов. Я перебегаю дорогу. Уличные фонари отбрасывают на траву длинные тени, когда я пересекаю сад в центре площади. От теплого дождя волосы становятся влажными. Грязь хлюпает у меня под ногами.

Я достаиваю жадным взглядом летающие машины, стоящие на площадке в саду. Одна из них моя. Проектом, который я придумала и в итоге построила, был орнитоптер, на который меня вдохновили несколько эскизов Леонардо да Винчи, его увлечение физиологией летучих мышей. Просторная продолговатая кабина и размах крыльев сконструированы так, чтобы имитировать тело и движение летучей мыши в полете. В состоянии покоя крылья сложены вдоль туловища.

Из всех своих изобретений этим я дорожу сильнее всего. Если бы не встреча с Киараном, я бы взяла его, чтобы полетать, разрезая туманные облака над Эдинбургом.

Но этой ночью я бегу. Я вдыхаю холодный воздух и чувствую себя настолько живой, что могла бы зарычать. Тьма внутри разворачивается и захватывает меня, всепоглощающая тьма, в которой пульсируют только два простых желания – мести и крови.

Вот чем я сейчас живу. Не чайные вечеринки, или балы, или пикники возле Нор-Лох, или светские-спину-прямо-подбородок-вверх-плечи-назад-беседы с фальшивыми улыбками. Сейчас я живу ради охоты и ради убийства.

Отполированные дождем булыжники блестят в свете фонарей над моей головой. Я бегу по улице, и мои сапоги расплескивают лужи, от которых промокает кромка плаща.

Электричество гудит внутри башни с часами, мимо которой я проношусь. Прозрачное стекло окаймляет бока здания, сияет золотом той системы, что освещает весь Новый город. Я скольжу пальцами по гладкому стеклу, наблюдая, как внутри пульсируют лампы. Они настолько яркие, что я могу видеть сквозь кожу своей ладони, рассматривать очертания костей под ней.

Я перехожу на прогулочный шаг, только когда добегаю до Принцесс-стрит и пересекаю ее на ближайшую к парку сторону. Капли дождя падают мне на лицо, когда я смотрю на южную часть города.

Отсюда видно замок, несмотря на то что густые облака закрывают главную башню и

выступ скалы, которая образует ее фундамент. Для меня замок всегда казался вырезанным из самой скалы, нависающей над Нор-Лох.

Хотя озеро было высушено, а на его месте разбиты сады, я один раз слышала, как его называли прежним именем. Сейчас цветы, трава и деревья отделяют Старый город от Нового. В темноте озелененная территория кажется огромной, пустой. Она настолько ниже уровня улицы, что на нее совсем не падает свет.

Начинающийся за парком Старый город освещен плохо. Плотные тучи нависли над высокими, тесно стоящими зданиями, цепляющимися за скалу. Из открытых окон льется мерцающий свет – свет толстых свечей, которые делаются из животного жира. Это все, что жители Старого города могут использовать для освещения своих домов. У них нет электричества – лишь свет газовых фонарей на главных улицах, тусклый из-за плотного росистого тумана, поднимающегося над землей.

Фейри бывают в Старом городе намного чаще, чем в других местах Эдинбурга. Между зданиями так много скрытых и тесных дворишков, куда они могут завлекать свои жертвы. Когда тела наконец-то обнаруживают, власти не задумываются над этим. Здесь многие люди умирают от болезней. Убийства фейри почти всегда объясняют чумой, легко распространяющейся по грязным, перенаселенным кварталам. Власти не обращают внимания на рассказы жителей о злых духах, фейри и проклятиях, считая их отсталыми и суеверными. Но меня не обманешь.

Я пересекаю Норт-бридж, который соединяет Новый город и Старый. Единичный бессвязный вскрик отражается эхом откуда-то из лабиринта Старого города. На Центральной улице несколько пьяных блуждают по брусчатке. Джентльмен, одетый в слишком большое для него пальто, сидит под фонарем и поет.

Я прохожу вдоль каменного строения, чтобы не встретиться с ними, и направляюсь к Хай-Кирк. Дождевые тучи нависают достаточно низко, чтобы закрыть верхнюю часть собора и стоящего передо мной здания. Глухой звук шагов эхом разносится по пустой улице.

Затем я чувствую ее – резкую силу фейри, которую еще не могу опознать. Я улыбаюсь. Моя первая жертва этой ночью. Мне остается только мечтать, чтобы ею была *baobhan sith*.

Фейри будет следовать за мной, пока не найдет идеальное место для атаки. Они любят охоту, которая олицетворяет силу, контроль и господство. Потом они понимают, что я не добыча. Я хищник.

Я собираюсь повернуть обратно к садам, когда меня настигает полноценный вкус силы фейри. Я опускаю голову и недолго наслаждаюсь ощущением.

Мед, грязь и чистая природа, тысяча оттенков вкуса, которые тяжело описать. Вкус дикой свободы – от ветра в моих волосах, от бега, от того, как ноги ступают по мягкой земле. Море в туманном утре, песок и вода у моих ног. Вкус, порождающий образы, которые кажутся живыми и значительными.

Из всех фейри, что я встречала, только один обладает этой особенностью.

Прежде чем вкус успевает усилиться, я бросаюсь в спринт в сторону замка. Дыхание вырывается сильными, быстрыми рывками.

Я улыбаюсь и заскакиваю в узкий переулок. Стены окружают меня, кислый запах земли и камней усиливается. Я ничего не вижу, слышу только биение сердца и звук своих шагов, но это мало что значит. Я запомнила бесконечные ступени, повороты и проходы Старого города.

Еще один узкий переулок, этот ведет в подземелья под городом, под домами. Я задеваю плечами стены, но не сбавляю темпа. Я считаю, пока не приближаюсь к уклону, – *один...*

два... три... четыре... пять – и бегу по каменным ступеням. Еще два резких поворота, и я выскакиваю из подземелья. Газовые фонари освещают темную дорогу. Я подбегаю к следующему маленькому дворику.

Он достаточно тесный, чтобы опереться ногами о стену и легко забраться по проходу до самого верха.

И я жду.

Спустя дюжину быстрых ударов сердца высокая, скрытая тенью фигура появляется у входа. Фейри останавливается подо мной, его тело замирает. Он дышит едва слышно, совершенно не запыхавшись от нашей гонки, и двигается вперед медленно, бесшумно.

Удерживая вес тела на руках, я отталкиваюсь ногами от стен и бросаюсь на него.

«Попался, Киаран МакКей!»

Глава 8

Киаран пораженно вздрагивает, когда мое предплечье оказывается у него под подбородком, сильно придавливая шею, единственное уязвимое место на его теле.

– Сдавайся, – говорю я.

Но Киаран молниеносно разворачивается и впечатывает меня в землю. Воздух со свистом покидает мои легкие.

«Это больно, черт возьми!»

– Ублюдох.

Я поднимаю ногу и бью сапогом в его коленную чашечку. Слышится громкий треск, но он даже не шипит от боли. Он улыбается.

О айе, он, как и я, наслаждается этим! Я не собираюсь проигрывать или уступать ему, если этого можно избежать. Иногда мы деремся, пока у меня не пойдет кровь, пока мое тело не начнет болеть и дрожать, а на его коже я не смогу оставить даже синяка. У меня еще не получилось победить Киарана, но это лишь подстегивает меня.

Я сажусь на корточки и тянусь к *скин ду* у пояса. Я прыгаю на него, вскинув лезвие. Он с легкостью блокирует атаку, хватая меня за ворот плаща и впечатывает лицом в стену.

– Это было неумело.

Его голос напоминает кошачье мурлыканье, красивое и мелодичное.

Я стискиваю зубы. Я ненавижу, когда он начинает критиковать меня во время боя. Я разворачиваюсь и ударяю снова – но рассекаю лишь воздух.

– Все еще неумело. – В его голосе звучит досада. – Ты знаешь, где я уязвим для обычного оружия, так какого черта ты делаешь?

– Ты не мог бы заткнуться? – отгрызаюсь я.

Я притворяюсь, что снова собираюсь ударить повыше, и вскидываю ногу, чтобы отвлечь его. Резко нагнувшись, я ныряю вниз и ударяю его в горло – единственное место на теле, где железный нож проткнет практически непробиваемую кожу фейри, пусть даже подобная рана и не убьет его. Кровь тонкой струйкой течет по его гладкой бледной шее.

– И сейчас неумело? – ухмыляюсь я.

Он срывает с меня подвеску с *сейгфлюром* и выбрасывает ее. Я слышу, как она падает где-то в дальнем конце двора. Я ахаю и смотрю туда, где он стоял. Без чертополоха я не могу увидеть его, разве что он захочет этого.

– Теперь ударь еще раз. – Его слова отражаются эхом вокруг меня. – Без чертополоха.

– МакКей, – спокойно говорю я, – не будь неблагоприятным.

Из всех моих уроков этот самый худший. Я ненавижу осознавать, что отсутствие Зрения – моя самая большая слабость. Если бы Киаран захотел, он мог бы воспользоваться этим и убить меня. Я бы умерла, даже не успев открыть рот, чтобы закричать.

– Плевать мне на благоразумие, – шепчет Киаран.

Его дыхание мягко ощущается на моей шее, но мгновение спустя исчезает. Я бью кулаком, но встречаю лишь воздух.

– Порежь меня снова, – говорит он. – Если сможешь.

– МакКей...

Его невидимые руки хватают меня и бросают о стену. Моя хватка на *скин ду* ослабевает, и кинжал падает на землю. Теплая кровь сочится изо рта. Я стискиваю зубы, сражаясь с

болью. Я не поддамся ей. Этот его урок я наконец научилась ценить.

Я отталкиваюсь от стены и приседаю, чтобы поднять кинжал, затем разворачиваюсь, чтобы ударить пустоту. Как я могу выиграть бой с Киараном, если не вижу его?

Тишина. Киаран двигается с проворством хищника. Даже дыхание не выдает его. Для пробы я ударяю кинжалом и попадаю в пустоту.

– Что ты чувствуешь?

Он позади меня.

Я разворачиваюсь, поднимаю кинжал, но он хватает меня за руку и толкает снова. Когда я бью туда, где он стоял, его там уже нет.

– Раздражение.

– Неправильный ответ, – говорит он с бесплотным эхом. – Скажи мне, что ты чувствуешь, Кэм.

Укороченная версия моей фамилии предполагалась как практичный, быстрый и односложный вариант называть меня в разгар нашей с ним битвы – имя, которое он использует постоянно. Сейчас оно сорвалось с его языка на выдохе. Почти шепот. Вызов.

Я ищу хоть какой-то намек на его местонахождение, но безрезультатно. Моим компаньоном может быть только дождь, барабанивший по крышам.

– Скажи мне!

Как я могу ему сказать, что почти ничего, кроме ярости, не чувствую? Что она позволяет мне жить изо дня в день и ночами охотиться на фейри, которую я хочу убить сильнее всего? Без этого я вакуум, бездонная пропасть. Пустота.

У нас с Киараном есть еще кое-что общее, помимо имен. Почти каждую ночь мы вместе сражаемся, истекаем кровью и охотимся. Он учит меня, как убивать наиболее эффективно и жестоко. Но я никогда не говорила Киарану причину, по которой охочусь, а он никогда не рассказывал, зачем убивает себе подобных. Это наш ритуал, наш танец. Только он имеет значение.

Поэтому я не уверена, что вынуждает меня прошептать:

– Я ничего не чувствую.

Киаран не отвечает. Воздух вокруг меня словно застыл, несмотря на дождь. Я подпрыгиваю, когда его теплые, невидимые пальцы касаются моих волос и он убирает влажную прядь с моей щеки.

– Если бы это была правда, – бормочет он, – тебя бы здесь не было.

Я вздрагиваю, когда сила Киарана скользит по моей коже, словно он одним движением гладит меня всю.

– Я думала, мы сражаемся.

Я произвольно выгибаю шею навстречу этому прикосновению.

Сила фейри не должна казаться такой соблазнительной. Сильный привкус дикой свободы, который не оставлял меня с момента нашей погони, начавшейся на Центральной улице, усилился, когда его аура окружила меня. Мне хотелось раствориться в ней. Что-то в ней было такое, отчего мне хотелось бежать босиком по лесу, плыть в густых океанских волнах и...

Киаран отпускает мои волосы.

– Ты проиграла.

Я понимаю это в ту секунду, как он отступает. Тепло его тела исчезает, и сквозь мокрую от дождя одежду проникает холод.

– Ты сжульничал.

Его губы изгибаются в улыбке, которая обещает так много того, чего я не хочу сейчас себе представлять.

– Ты действительно собираешься полагаться на этот аргумент?

– Ты воспользовался своими силами.

Клянусь, я была почти очарована. Эта отвратительная штука случается с людьми, которые оказались в присутствии *daoine sith*. Они становятся околдованными, убаюканными силой и достаточно податливыми, чтобы исполнять все желания фейри. Я лучше умру, чем позволю этому случиться.

– Даже если так, я не управлял тобой, Кэм. Ты уступила. – Он наклоняется ближе и шепчет: – Или я неправильно понял тот наклон шеи?

Черт бы его побрал! Мое лицо горит. Как унижительно!

– Еще раз. – Я вскидываю подбородок. – Я вызываю тебя еще раз, МакКей!

Я побью его без чертополоха. Если придется, я буду драться, пока не закончатся силы.

Долгое время Киаран смотрит на меня. И говорит:

– Твоя губа кровит.

После чего поворачивается и шагает в другой конец двора. Проклятье!

– Подожди! – Я вытираю рот рукавом и иду за ним, но он не останавливается. – МакКей, мы не закончили.

Он наклоняется и поднимает с земли подвеску с *сейгфлюром*. Я слышу, как он резко втягивает воздух, когда отдает ее мне.

– Вот. – Когда я не сразу забираю ее, он хмурится. – Ты сердишься.

– Я *не* сержусь. – Хотя именно это я и делаю.

– Кэм, возьми этот проклятый чертополох, пока он не прожжет мне руку насквозь.

Я забираю чертополох. Обожженная кожа на его ладони видна лишь мгновение, затем он быстро прячет руки в карманы брюк.

– Будь я бессердечной, обмотала бы чертополох вокруг твоей шеи, когда прыгала на тебя.

Рот Киарана изгибается в легкой улыбке.

– Сделав так, ты могла бы выиграть.

Мы в полной тишине выходим из двора и возвращаемся к Центральной улице. Я сдерживаю дрожь. Теперь, когда возбуждение прошло, холодный ветер пронизывает мою мокрую одежду.

Сейчас на улице совершенно безлюдно, тихо. Несколько газовых фонарей потухли, и дорога впереди нас теряется в темноте. Порывы ветра, пронзительно воя, проносятся по собору, когда мы проскальзываем мимо, на лестницу к Каугейт.

– Не люблю, когда ты это делаешь, – тихо говорю я.

– Что?

– Забираешь *сейгфлюр*.

Он не достаивает меня взглядом.

– Я знаю.

– Особенно когда я близка к победе.

– Напротив, – спокойно говорит он. – Именно тогда его и нужно забирать.

Я сжимаю зубы. Ненавижу быть без ожерелья: тогда я уязвима, как лорд Хепберн. Киаран показал это в переулке.

– Ты определенно радуешься возможности напоминать, что я не вижу тебя без него, так

ведь?

– Это не имеет отношения к радости. Настанет день, когда тебе придется сражаться без чертополоха, – говорит он и смотрит на меня своим древним, чуждым взглядом. – И тебе не стоит рассчитывать на сострадание.

Киаран с его способностью фейри воздействовать ментально мог бы жить где захочет – даже в доме Нового города, еще более экстравагантном, чем мой. Вместо этого он предпочитает жить в Каугейт, одном из худших районов города.

Мы идем по улице между тесными, маленькими зданиями. Почти в каждом доме ютятся многочисленные обедневшие семьи. У них, должно быть, практически нечем дышать.

Старые здания настолько ветхие, что некоторые уже начали рассыпаться. Я никогда не привыкну к постоянному зловонию человеческих экскрементов, царящему здесь. В нескольких домах все еще горит свет, даже в такое позднее время. В одном из них группа людей разражается смехом. Вдалеке хлопает дверь. По улице эхом разносится звук разбитого стекла, за которым следует резкий крик. Я вздрагиваю.

Киаран ведет меня по узкой лестнице к своему жилью. У него дома чисто, пусть и пусто. Из мебели в комнате, за исключением нескольких комодов, только маленький стол и два деревянных стула. Здесь темно, несмотря на горящие свечи, и очень холодно. Зимний ветер поселился в этих каменных стенах и никогда не исчезает.

Я дрожу, не в состоянии согреться, моя кожа покрывается мурашками.

Иногда мне хочется спросить Киарана, почему он поселился среди людей, но я этого никогда не сделаю. Я решила, что не хочу знать.

– Твой плащ промок. Если ты замерзла, стоит его снять, – говорит Киаран, освещенный огарком свечи в центре стола.

– Нет, я в порядке.

– Ты дрожишь.

Было бы глупо воспринимать его слова как проявление беспокойства. Киаран является *daoine sith*, самым сильным из существующих видов фейри, а им незнакомо сочувствие. Скорее уж они известны как жестокие, бессердечные хищные существа, которые ставят силу превыше всего.

Я помню истории из своего детства, в которых рассказывалось, как *daoine sith* сотни лет убивали и порабощали людей, пока не оказались в ловушке под землей. Киаран подтвердил, что это правда. Многие наши первые уроки сводились к тому, что он описывал и заставлял меня записывать сведения о каждом виде фейри, уточняя их способности, отделяя факты о фейри от сказок, передающихся людьми из поколения в поколение на протяжении столетий.

Киаран единственный оставшийся *daoine sith*. Другие много лет назад проиграли войну и были заключены под землей, там, где сейчас Эдинбург, вместе с фейри, которые помогали им. Разные виды, участвовавшие в битве, были самыми сильными из фей, и все они подчинялись *daoine sith*.

По сравнению с ними фейри, которых я убиваю каждую ночь, довольно слабы. Это одиночные феи, не пожелавшие присоединиться к битве, в результате которой были заключены остальные. Поэтому они остались на земле, размножились и продолжают жить, свободно питаясь людьми.

– Я в порядке, – повторяю я. – Просто дай мне свежую связку *сейгфлюра* и пойдем.

Его плечи напрягаются, когда он открывает маленький комод, и я стараюсь не смотреть на него. В таком маленьком пустом помещении это довольно трудно.

Киаран излучает сияние, которое тяжело описать. Его кожа мягко светится, гладкая и

бледная. Черные как смоль волосы падают на лицо, обрамляя высокие скулы. У него глаза цвета весенней лаванды, но совершенно лишены ее мягкости. Они пронзительные, яростные, неземные. Фейри или нет, Киаран чертовски красив. Я ненавижу эту его особенность.

Он бросает мне шерстяной сверток, перевязанный бечевкой.

– Это твоя третья связка за две недели.

Проклятье! Конечно, он заметил.

– Он бесполезен, когда засыхает, – говорю я.

«И ты отказался дать мне растение, чтобы выращивать его, ты, невежа!»

Зимой *сейгфлюр* остается свежим около тринадцати дней. И дольше, если я храню свои запасы снаружи. Затем он теряет эффективность. Еще один урок, приобретенный на горьком опыте, – именно так я получила свой третий шрам.

Я пыталась выращивать *сейгфлюр* самостоятельно, но все мои попытки провалились. Я даже пыталась сохранить его, зажав между воздухо непроницаемыми кусочками стекла, но это не сработало. Поэтому теперь я завишу от его поставок и до сих пор не знаю, где Киаран его находит. Он не расскажет об этом.

– Я не дурак, – говорит он. – Не стоит считать меня таковым.

– Я постараюсь.

Его лицо ожесточается.

– Тебе не нужно столько, сколько ты используешь. Ты его кому-то отдаешь?

Я даже не считаю этот вопрос достойным ответа. Возможно, я нарушила его правило насчет запрета охотиться одной, но это я выполняю. Никто не должен видеть фейри или то, что они делают со своими жертвами. Зрение – бремя, и мне жаль каждого, кто обладает этой способностью.

– Кэм... – подчеркнуто терпеливо говорит он.

– Все, что тебе нужно знать, – отвечаю я, – это то, что он для моей защиты.

Я раскрываю шерстяной сверток.

В центре лежат маленькие веточки чертополоха, покрытого яркими синими цветами. Обычный чертополох, растущий в Шотландии, колючий, с остроконечными листьями, с пушистыми соцветиями. Этот другой. Внешне он похож на остальной чертополох, такой же неприятный и агрессивный, но *сейгфлюр* мягкий. Волоски на стебле мягкие, словно пух.

И если бы он не был таким мягким, крепким и прелестным, возможно, матушка использовала бы что-то другое, чтобы вплести мне в волосы, когда я дебютировала в прошлом году. Я до сих пор не знаю, где она смогла его найти. Я была в белом, и только чертополох отличался по цвету в ту ночь – мое единственное маленькое цветное украшение. Если бы моя матушка выбрала лаванду, розы или вереск, я бы никогда не увидела свою первую фейри.

Первая фейри. Голос *baobhan sith* воскресает в моей памяти, поначалу веселый и музыкальный, как песня весенней птицы, затем острый от металлических ноток зла.

Алый идет тебе больше всего...

Я втягиваю воздух и заталкиваю шерстяной сверток в карман. Это воспоминание всегда во мне, всегда маячит на фоне, готовое всплыть при любой возможности. Я не могу от него избавиться, как бы сильно ни старалась.

– *Ciod a dh' fhairich thu?* – спрашивает Киаран и придвигает стул, чтобы устроиться напротив меня.

– Ты же знаешь, что я не понимаю.

– Что случилось?

Я слабо улыбаюсь. Иногда у него получается говорить так, словно его действительно беспокоит то, о чем он спрашивает.

– Тебе не все равно?

Киаран пожимает плечами. Сильнее всего он показывает эмоции, когда закалывает кого-нибудь. Он откидывается на спинку стула и скрещивает ноги перед собой. Я стараюсь не любоваться тем, как великолепно он выглядит, – это опасно. Я отвожу взгляд и сосредоточенно смотрю на тени, отбрасываемые мерцающим огоньком свечи на противоположную стену.

«Совершенно *нечеловечески*», – напоминаю я себе.

– На самом деле не очень, – отвечает он. – Но ты выглядела так, словно собралась плакать.

– Я не плачу, МакКей.

Я сегодня просто идиотка. Сначала поддалась его соблазнительным чарам во время схватки, теперь вот это. Где та глубокая канава, в которую можно нырнуть, когда она так мне нужна?

– Как скажешь, – говорит он, выпрямляя ноги. – Небольшой совет, Кэм. Пока ты не признаешь свои слабости, ты никогда не победишь меня без этого проклятого чертополоха.

Я смотрю на него.

– Мы будем охотиться или ты предпочтешь тратить время на поучения?

Мои слова спровоцировали нечто яростное в этом обычно холодном, бесстрастном взгляде. Если бы я сама не была убийцей, это могло бы напугать меня. На этот раз его улыбка не злая. Она жестокая, даже немного безжалостная.

– Я возьму свое оружие, – говорит он.

Мы покидаем Каугейт, и, когда проходим мимо Саут-бридж, Киаран идет немного впереди.

– В водах возле Дин-Виллидж охотится *saoineag*, – говорит он. – С момента своего прибытия она уже убила одну женщину. – Рассказывая, он не сбавляет темпа. – Постарайся не отставать, Кэм.

Постарайся не отставать...

Его ноги намного длиннее моих, и он настаивает, чтобы во время охоты мы везде ходили пешком, даже в отдаленные от центра города места, такие как Дин-Виллидж.

Я увеличиваю темп, но все равно остаюсь позади него. От дождя его волосы стали влажными и облепили шею, рубашка липнет к стройному мускулистому телу при каждом движении. Иногда я мечтаю, чтобы он носил чертов плащ.

– Ты смотришь, – говоря это, он не глядит в мою сторону.

– Ты не задумывался о том, чтобы носить плащ? Сейчас зима.

– Нет.

Мы продолжаем свой путь в тишине. Дождь перешел в мягкий туман, который щекочет мне щеки. Туман между старых каменных зданий становится плотнее. Я слышу слабый смех, доносящийся из одной из освещенных хижин в конце улицы, и снова наступает тишина. Я вдыхаю влажный воздух и решаю перестать игнорировать постоянно ощущающийся привкус силы Киарана. В этот момент я наслаждаюсь им.

Мы приближаемся к Норт-бридж, и я смотрю на убывающую луну, выглянувшую из-за туч. Она окружена ярким ореолом цвета артериальной крови.

Кровь... Моя жажда мести существует, потому что однажды ночью я прошла крещение ею. Я всегда считала, что это была моя ночь потерь: в последний раз я видела матушку живой, в последний раз я была девушкой, которая никогда не знала насилия.

Теперь тьма внутри хочет только одного – снова убить. Я не могу не задуматься: неужели это все, что мне осталось, – ночная охота ради единственного опьяняющего момента, ради всепоглощающей радости в конце?

В моменты слабости, возникающие после убийства, я отчаянно хочу почувствовать то, что было так привычно: счастье, которое приходит без усилий, и – хоть иногда – надежду.

Я прерываю наш быстрый путь к Дин-Виллидж, чтобы приблизиться к перилам моста.

– Ты когда-нибудь думал о будущем, МакКей?

Киарана, кажется, удивил вопрос. Он останавливается рядом со мной, опираясь спиной о каменную колонну.

– Нет, не думал.

– Никогда?

– Я бессмертен. – Он разворачивается и упирается локтями в перила. – Ты обдумываешь будущее, поскольку однажды умрешь. – Он смотрит на луну с меланхоличным, едва ли не печальным выражением на лице. – У меня нет этой неуверенности. Я вечно буду таким, как сейчас.

Он говорит это механически, без капли эмоций в голосе.

– Таким, как сейчас? – спрашиваю я. – Разве с тобой никогда не происходило ничего неожиданного?

– Один раз за три тысячи лет. – Он улыбается слабо, даже немного горько. – Может, дважды.

Господи!

Иногда я забываю, что фейри не стареют. Они просто существуют, как деревья или камни. Они могут быть убиты, но если их не трогать, они не меняются. Возможно, поэтому Киаран такой, какой есть. Тысячи лет отполировали его до совершенства, пресытили до пределов возможного.

Киаран смотрит на меня.

– Ну, расскажи мне о своем будущем.

– Раньше у меня были планы, но... но они больше не имеют значения. Это не то, чего я хочу.

Прежде я мечтала о свадьбе и муже, который у меня однажды появится. Помню, как с испачканными в смазке руками и поломанными ногтями описывала матушке самые изысканные церемонии, пока она помогала мне экспериментировать с изобретениями. Мои фантазии были наполнены кремовым шелком и розовыми бутоньерками. И мужчиной, который будет беззаветно меня любить.

Теперь я больше не вижу в своем будущем ни свадьбы, ни мужа, ни детей. В нем нет любви. Я вижу все ту же ониксово-черную пропасть, в которой хранятся мои воспоминания, пустые и темные.

– Возможно, они тебе не подходят. – Наши глаза встречаются. – Мы все должны познать, кто мы, Кэм. Так или иначе.

Это настолько явный намек на понимание, что на краткий миг я почти хочу, чтобы Киаран сказал мне утешительные слова, какими бы бесполезными они ни были. Я почти решаюсь рассказать ему о себе, о чем-то личном, просто проверить, ответит ли он тем же.

Неожиданный вкус ореха и железа растекается на моем языке. Настолько внезапно, что я хватаю воздух от неожиданности.

– Кэм?

Что-то движется за Киараном – резкий блеск металла в лунном свете. Я отталкиваю его с дороги, и тяжелый боевой молот летит прямо на меня.

Я приседаю и резко наклоняюсь вперед. Молот проносится с такой скоростью, что слышен свист металла.

Мой противник рычит, издавая низкий, грохочущий звук. Я поднимаю взгляд и впервые при взгляде на фейри испытываю леденящий ужас.

Огромное существо возвышается надо мной, худое и жилистое, с тонкими мускулистыми руками и огромными ладонями, которые могут раздавить меня с одного удара. Жесткая кожа обтягивает резкие, угловатые черты его лица. Щеки, глаза и верхнюю часть носа закрывает грязная полумаска, сделанная из лицевых костей человеческого черепа. Его глаза, темные и яростные, смотрят на меня через пустые глазницы маски.

Кое-что еще привлекает мое внимание. Плотная жидкая субстанция, которая блестит у фейри на лбу.

Кровь. Но это же невозможно!

Я даю задний ход и бросаю взгляд на Киарана. Он стоит посередине моста и вовсе не выглядит удивленным.

– Это красный колпак, – говорю я. – Ты рассказывал, что они были...

Красный колпак атакует меня. Он вращает молотом так быстро, словно тот ничего не весит, и у меня почти нет времени на реакцию. Я разворачиваюсь, перекатываюсь по земле. Молот ударяет в булыжники за моей головой, и кирпич разлетается вдребезги.

Я чуть нагибаюсь и вытаскиваю *скин ду* из ножен, стараясь унять бешеный пульс. Я не училась сражаться с красными колпаками. Киаран говорил, что они заключены в ловушку под городом вместе с *daoine sith*.

Красный колпак наступает с поразительной скоростью, быстрее всех, кого я видела. Я пытаюсь отступить на достаточное расстояние, чтобы бросить кинжал, но фейри слишком стремителен, и я в последнюю секунду ускользаю от молота.

Где, черт возьми, Киаран? Я оглядываюсь через перила и вижу, что он прислонился к ним, продолжая наблюдать. Я убью красного колпака, а потом врежу ему с такой силой, чтобы остался синяк на его безупречной коже.

– Ты не мог бы... – Я снова уворачиваюсь от молота. – ...помочь!

Ошметки камней разлетаются в воздухе.

Киаран продолжает стоять, скрестив руки на груди.

– Ты ждешь, что я спасу тебя? Это ошибка.

– Катись к черту, Киаран МакКей!

Меня наполняет ярость. Спасти меня? Я никогда не просила о спасении. Мне это не нужно. Мне не нужен Киаран. Все, что мне нужно, – это гнев, который будет захватывать меня, пока не зажжет изнутри.

Я бросаюсь к красному колпаку, развивая максимальную скорость, доступную на разбитой булыжной мостовой. Красный колпак тоже атакует. За секунду до нашего столкновения я прыгаю, продолжая сжимать в руке *скин ду*, и хватаюсь за мускулистое плечо твари, чтобы оказаться у нее за спиной.

Я спрыгиваю на землю, на корточки, достаточно низко, чтобы вогнать лезвие в основание его позвоночника, единственное место на теле, которое, по словам Киарана, можно пробить железом.

Красный колпак издает вопль и сгибается от боли. Я выхватываю боевой молот из его руки. Он тяжелый и вырывается из пальцев, но мне на это плевать.

Я поворачиваюсь к Киарану и улыбаюсь.

– Это я спасаю себя.

Я замахваюсь молотом и бью красного колпака в висок. Меня окатывает кровью, теплая жидкость хлещет в лицо. И только одна мысль эхом отдается у меня в голове: «Еще!»

Красный колпак покачивается и сплевывает кровь на землю. Потом падает на колени на булыжник, и я, когда приближаюсь, вижу первый отблеск страха в его глазах. Я снова замахваюсь молотом. Металл оружия ударяет в массивный торс фейри, и тварь расплывается, кашляя кровью на уничтоженную брусчатку. Пора заканчивать.

Я бросаю молот на землю и направляюсь к Киарану. Его взгляд бездонный, непроницаемый. Я приближаюсь к нему неприлично близко.

– Ты недооцениваешь меня, – шепчу я. – И это ошибка.

Киаран не двигается, когда я вытаскиваю его собственный меч из набедренных ножен и отхожу. Оружие длинное и изогнутое на конце, сделанное из какого-то золотистого, сверкающего металла. От рукоятки к кончику тянутся изысканные рисунки ветвистых молний, серебряные на золотом. Бессмертное оружие, созданное, чтобы убивать фейри.

Киаран не произносит ни слова, когда я возвращаюсь к красному колпаку. Тварь тяжело дышит, лежа на земле, но раны скоро заживут. Мне нужно убить его до того, как он исцелится.

Я опускаюсь на колени возле красного колпака и перерезаю ему горло.

Результат мгновенный. Мощь фейри настолько сильна, что проникает мне в грудь и наполняет собой пропасть во мне. Я наслаждаюсь ощущением дождя на коже и течением энергии по моим венам. Если бы только...

Меч выпадает из моей руки. Огромная рука хватается меня за горло – еще один красный колпак.

«Какого черта?»

Тварь легко поднимает меня, и мои ноги болтаются в воздухе.

Я пытаюсь вдохнуть, и красный колпак щерится, обнажая блестящие острые окровавленные зубы, от которых несет гнилью. Тварь наслаждается этим. Как и всем остальным мерзким фейри, с которыми я сражалась, ему нравится смотреть, как страдают люди.

Я упираюсь ладонями в его руки, использую кисти, как рычаги, чтобы поднять свое тело, а затем вскидываю ногу, нанося сильный прямой удар под подбородок красного колпака. Он настолько удивляется, что роняет меня.

Я падаю на землю, зубы щелкают, и я прикусываю себе язык. Медный привкус крови наполняет рот, когда я пытаюсь встать.

Красный колпак снова замахваётся молотом. Я перекатываюсь, и в последнюю долю секунды он промахивается. Большая часть перил обваливается. А я вспоминаю: у него, может, и есть молот, но у меня есть часы. Я лезу в карман и одновременно нажимаю две кнопки на циферблате, чтобы высвободить скрытые в нем складные когти. Металлические клинки выдвигаются с тихим щелчком – острые, готовые к действию.

Красный колпак бросается на меня, широко раскинув руки. Я ныряю между его ног, перекатываюсь, вскакиваю и цепляю бомбу ему на поясницу.

Красный колпак издает рев и вертится из стороны в сторону. Я двигаюсь вместе с ним,

используя мастерство, заученное во время бесконечных, скучных уроков танцев. Поворачиваясь, я хватаю фейри за руку и удерживаю на месте достаточно долго, чтобы снова нажать кнопки на циферблате и когти вцепились в его плоть.

Я вскакиваю на ноги и бегу к Киарану.

– Что ты делаешь?

Я ухмыляюсь:

– Увидишь.

Я тяну его за собой, вынуждая бежать как можно быстрее, а сама пытаюсь вычислить безопасное от взрыва расстояние, учитывая количество черного пороха, которое я поместила в часы. За нашей спиной слышны тяжелые, грохочущие шаги красного колпака, и мое дыхание учащается, когда я пытаюсь оторваться от фейри как можно дальше.

«Четыре...»

Мои ноги работают, как поршни. Я толкаю Киарана, чтобы он бежал впереди.

«Три...»

Я бросаюсь на него и перекатываюсь так, чтобы его неразрушимое тело защитило меня от прямого взрыва.

«Два...»

Я задерживаю дыхание и закрываю ладонями уши.

«Один!»

Даже прижатые к ушам ладони не приглушают звук взрыва. В воздух поднимаются облака пыли и окрашивают небо в оранжевый цвет. Самое удивительное, что под оранжевым маревом все освещается ярко-синим цветом, которого я никогда раньше не видела. Ух ты! Должно быть, такие цвета фейри излучают, когда их биологическая ткань реагирует с черным порохом. Как интересно!

Я хмурюсь, глядя на падающие обломки. Оружие не должно было обладать такой взрывной силой. Кто знал, что фейри так красиво взрываются? Я определенно не хочу, чтобы фейри, убившая мою мать, умерла так быстро, когда я найду ее.

Киаран застыл рядом со мной, его сердце бьется в тяжелом, успокаивающем ритме у моей щеки. Я не могу слышать его из-за взрыва, но я его чувствую. Я смотрю, как оседает пыль, и мое тело успокаивается. Начинают падать капли дождя.

Киаран ерзает, отодвигаясь от меня. Я неловко откашливаюсь и поднимаюсь, чтобы взглянуть на огромную зияющую дыру там, где недавно была половина Норт-бридж. В ушах щелкает, и ко мне частично возвращается слух.

– Что ж, – говорю я, работая челюстями, чтобы прочистить уши. – Этого я не ожидала.

– Какое совпадение! Я тоже.

Его тон удивляет меня. Господи! Глаза Киарана сияют, когда он встает на ноги. Он стряхивает мусор со своей порванной одежды – кусочки дымящегося камня, которые могли бы серьезно ранить меня, если бы я не использовала его как щит.

– У черного пороха низкая взрывная сила, – говорю я в свою защиту. – Я не учла реакции красного колпака на *сейгфлюор*... Ты сердисься?

Рычание эхом отдается в ночи.

Мы с Киараном оборачиваемся к руинам Норт-бридж. Среди обломков стоит третий красный колпак. Господи! Три фейри за одну ночь – это ненормально.

Мои руки сжимаются в кулаки, когда фейри перепрыгивает остатки моста – грациозно, несмотря на огромное тело. Неважно, что у меня нет эффективного оружия. Я буду драться с

ним, пока у меня есть кулаки. Если придется, я буду кусаться и царапаться, чтобы выжить.

Красный колпак бежит на меня, лязгая острыми зубами.

Киаран становится между нами. Красный колпак резко останавливается и с удивлением смотрит на него. Словно... словно узнает Киарана. Никто из них не произносит ни слова. Киаран наклоняет голову в своей нечеловеческой манере.

Я даже не различаю его движения. Секунда, ничего не происходит. Еще одна, и он держит в руке кровоточащее сердце красного колпака.

Я ахаю, с ужасом глядя на то, как красный колпак, захлебываясь ужасным звуком, падает на колени. Кровь густым потоком льется по запястью Киарана, пятнает его белую рубашку. Он продолжает держать кровоточащее сердце.

Продолжает держать сердце...

Воспоминание ударяет меня прежде, чем я успеваю подавить его. Кровь пропитывает матушкино платье. Блестящая и темная на бледной коже... Ее глаза в обрамлении густых ресниц широко распахнуты, они остекленевшие и мертвые изнутри.

Я молча смотрю, как Киаран поднимает ногу, ставит ее в центр массивной груди красного колпака и сталкивает фейри с обломков моста. И выбрасывает его сердце.

Алый идет тебе больше всего, – смеясь, говорит голос из моих воспоминаний.

«Нет!»

Я отбрасываю это воспоминание. Внутри меня остается гнев, безжалостный и разрушительный. Я ненавижу фейри. Я ненавижу их за то, что они забрали у меня, за то, кем я стала. За ту ночь, в которую я была настолько разбита, что даже не могла оплакать ту, которую любила.

Я стискиваю зубы и направляюсь к Киарану. Он смотрит, как я приближаюсь, его глаза светятся неестественным светом, и это только все ухудшает. Он один из них. Он никогда не поймет, что сделал сейчас со мной.

– Кэм...

Я бью его в лицо так сильно, что у меня лопаются кожа. От удара костяшки пальцев начинают кровить, а он даже не пошатнулся.

– Довольно, – говорит Киаран.

Я бью его снова. И снова. Удары не оказывают на него никакого видимого действия. Но я буду продолжать, пока не оставлю отметину, пока что-то не сломается.

Он хватается меня за плечи. Пальцы впиваются в кожу с такой силой, что останутся синяки.

– *Довольно!* – Его глаза изучают мое лицо, словно он может разглядеть сломанную часть меня. – Кэм? Ты со мной? – Он говорит это очень мягко, с намеком на человечность, которой я никогда не слышала от него раньше.

Из-за этого мне хочется ударить его снова. Я не могу позволить ему так со мной поступить. Я пытаюсь снова взять себя в руки и справиться с воспоминаниями, похоронить их глубоко внутри, где им самое место.

– Он знал тебя, – хриплю я.

Я не хочу объяснять Киарану, что сейчас произошло или что я пришла в ужас от его поступка, потому что это напомнило мне, что он один из *них*.

– Этот красный колпак знал тебя, и ты *солгал* мне.

Выражение почти-сочувствия исчезло, и он снова превратился в равнодушного Киарана. Его хватка становится такой сильной, что я вскрикиваю от боли.

– *A bhur aidh tha thu ann.*

– Я не говорю на твоём чертовом языке.

– Я сказал, что ты идиотка. Ты понимаешь, что наделала?

Я дышу быстро и тяжело.

– Ударила тебя. – Я вскидываю подбородок. – Убила красного колпака. Это то, чему ты учил меня.

«Я спасла себя».

– Это, – он кивает в сторону моста, – не то, чему я тебя учил. Откуда, черт возьми, ты достала взрывчатку?

– Я сделала ее, – отвечаю я сквозь стиснутые зубы. – Ты всегда говорил мне делать все, что необходимо для убийства фейри, я так и поступила.

То, чему он учил меня, было единственным, что имеет значение. Выследить, искалечить, убить и выжить. Если бы у меня уже не было инстинктивного желания убивать, Киаран научил бы и ему. Его ненависть к ним – отражение моей собственной.

– Отпусти меня, – говорю я, не дождавшись ответа.

Он не отпускает меня, вместо этого притягивает ближе. Я в полной мере чувствую на себе эффект от его горящего взгляда и вздрагиваю.

– Ты убивала их, не так ли?

Он говорит тихо. Эмоции усиливают его мелодичный акцент, и это настолько меня удивляет, что я не нахожусь с ответом. Он встряхивает меня.

– Одна. Без меня. Когда я категорически запретил.

Я никогда раньше не видела его настолько не контролирующим себя. Какие бы эмоции он ни испытывал, он всегда их сдерживал, скрывал.

– Айе, – говорю я. – И я буду делать это снова, когда мне захочется.

– Как долго, Кэм?

Меня пугает серьезность его голоса.

– Почти две недели.

Сразу после бала, когда я была снова представлена обществу. Я пошла охотиться с Киараном, и, когда мы закончили, он оставил меня рядом с мертвым фейри в одном из подземных тоннелей. Я наслаждалась последними остатками его силы, когда почувствовала, как приближается другой фейри, вместе с жертвой. Я не смогла удержаться. И на следующую ночь я не смогла удержаться от убийства в одиночку, равно как и на следующую, и на следующую. Мой новый ритуал.

Он холодно смеется. Я дергаюсь, когда он проводит по моей щеке длинным изящным пальцем.

– Надеюсь, у тебя большой арсенал этого маленького оружия, – шепчет он, и его дыхание целует мои губы. – Потому что отныне они никогда не перестанут преследовать тебя.

Я больше не могу дышать. Я упираюсь ладонями ему в грудь и отталкиваю его. Он сверкает улыбкой, еще более безжалостной, чем обычно, разворачивается и направляется к Калтон Хилл.

– И что это за безымянные *они*? – Когда становится ясно, что он не собирается останавливаться, я догоняю его, чтобы он не смог убежать. – Ты говорил, что красные колпаки заключены в холмах. Я думала, что фейри не могут лгать.

– *Sithichean*, – поправляет он. Он ненавидит, когда я называю его соплеменников *фейри*. – Да, не можем.

– Тогда как они сбежали?

– Это не имеет значения, – говорит Киаран, и на его скуле дергается мускул. – Когда мы охотились вместе, я мог замаскировывать наши убийства как свои. Теперь, после твоей одиночной охоты, она знает, что в Эдинбурге живет Соколиная Охотница.

Соколиная Охотница.

Опять это! Я помню широкую улыбку выходца, когда он высасывал из меня энергию.

Соколиная Охотница.

– Что это значит? – спрашиваю я.

Прежде чем он успеваает ответить, я слышу голоса. Киаран смотрит мне за спину, и я оборачиваюсь. Люди, болтая и перекликаясь друг с другом, спешат к Ватерлоо-плейс. Я понимаю, что они ищут причину взрыва. Он наделал слишком много шума.

Черт побери! Придется делать большой крюк по дороге к площади Шарлотты, если я не хочу быть замеченной.

– Просто возвращайся домой, Кэм, – говорит Киаран.

– Но...

– Остальное я расскажу завтра.

Он разворачивается и идет вдоль дороги.

Через час я возвращаюсь к себе в спальню через потайную дверь. Деррик вылетает из гардеробной. Его крылья трепещут так быстро, что их почти невозможно различить.

При виде меня он останавливается и присвистывает.

– Ощущаю потребность сказать: выглядишь ты отвратно.

Я нажимаю на рычаг, который возвращает дверь на место, и ударяю ладонью по деревянной панели на стене.

– Благодарю, – сухо говорю я. – Очень мило с твоей стороны.

И смотрю в зеркало. Мои волосы в полном беспорядке, медные пряди торчат в разные стороны. Кровью забрызганы и лицо, и одежда. На шее синяк, завтра он будет темно-фиолетовым. Деррик прав: выгляжу я паршиво.

– Я закончил платье, – говорит Деррик. – Плату, пожалуйста.

– Закрой глаза.

Деррик покорно закрывает лицо ладонями, и я открываю комод, в котором прячу мед. Маленькая панель внутри отъезжает в сторону, открывая ящик с банкой. Я перекидываю немного ее содержимого в деревянный сосуд и прячу мед.

Потом ставлю чашку на стол.

– Без брызг, пожалуйста.

Деррик со счастливым воплем устремляется к столу. Его ореол сияет золотом, когда он усаживается на краю чаши. Он опускает пальцы в мед и без всякого смущения засовывает в рот испачканную медом руку.

Я ежусь от отвращения и захожу в гардеробную. Сняв грязную одежду и переодевшись в ночную рубашку, я рассматриваю свои руки. Костяшки пальцев после драки с Киараном поцарапанные, опухшие и в синяках. Я опускаюсь на колени возле кувшина со свежей водой и, шипя от боли, погружаю в него руки.

Я не должна была позволять Киарану видеть меня в таком состоянии. Нужно лучше контролировать свой гнев. Он воспримет это как уязвимость, которая намного хуже, чем мои физические ограничения. Слабость. Одно дело – признаваться в этом себе. И совсем другое –

вести себя так в его присутствии.

– Проклятье... – бормочу я, вытирая руки. Я не знаю, что буду делать, когда завтра увижу его снова.

К тому времени, как я возвращаюсь, Деррик уже наполовину съел мед. И улыбается мне пьяной улыбкой.

– Как ты поживаешь этим прекрасным, – он икает, – вечером, милая человечка?

– Мне казалось, ты говорил, что я выгляжу ужасно.

– Отвратно, – уточняет он. – Как великолепный, очаровательный ужас.

Я бросаю одежду в ванну, чтобы отстирать. Вода становится черной от крови и грязи.

– Теперь ты просто дурачишься.

– *Diel-ma-care*. – Он презрительно машет рукой.

Я снова смотрю на себя в зеркало. Интересно, если бы я была фейри, какой на вкус была бы моя сила. Пепла и сандалового дерева, решаю я. Того, что горит. Может, с оттенком железа – из-за всех тех фейри, что я убила ради матушки.

Взяв салфетку, я начинаю оттирать темные пятна крови, засохшей на моих щеках среди многочисленных веснушек. Я выгляжу как убийца, как воплощение смерти.

Алый идет тебе больше всего...

С рычанием я оттираю щеки так, что кожа краснеет и начинает болеть. Больше никаких воспоминаний. Никаких. Того, что Киаран недавно спровоцировал, было достаточно.

Я заставляю себя думать о красном колпаке. Я должна выяснить, откуда они взялись и как выскользнули из тюрьмы, пока это не случилось снова. Мне ни за что не повторить сражения с тремя за одну ночь. У меня проблемы даже с одиночными фейри, и они не были заключены под землей больше чем на две тысячи лет. А те, что были, должно быть, злые и очень, очень голодные.

Я не могу рассчитывать, что завтра Киаран расскажет все, что мне нужно об этом знать. То, о чем он умолчит, может оказаться важным для моего выживания. Но я не стану заблуждаться и ждать.

– Деррик?

– Ммм?

Деррик поворачивает голову в мою сторону; от восторга он сияет все ярче. И снова запускает пальцы в чашку.

– Ты когда-нибудь видел красного колпака?

Деррик ухмыляется от удовольствия и смеется.

– Такие неуклюжие создания. Медлительные, словно патока. Знаешь, однажды я вынул меч, закружил вокруг одного такого и разрезал его на ленточки. – Он набирает еще меда и вздыхает. – Увы, ничего не осталось в качестве трофея.

Медлительные, словно патока? Красные колпаки размахивали молотами и бегали быстрее всех фейри, с которыми я встречалась. Хотелось бы увидеть то, что Деррик считает быстрым. А может, и нет.

Я продолжаю чистить одежду.

– Ты не знаешь, какова вероятность того, что кто-то может сбежать из тюрьмы?

– На это нужно время, – поет он. – Врееееееемя.

О, ради всего святого...

– Деррик, сосредоточься. И постарайся правильно выговаривать связные предложения. Что ты имеешь в виду?

Он продолжает облизывать пальцы.

– Это я могу. Я могу говорить связные предложения. Что мы обсуждали?

– Красных колпаков, – говорю я сквозь зубы. Я пытаюсь не огрызаться, но он весьма усложняет эту задачу. – Как они могли сбежать из подземелья под городом?

– О, это происходит сейчас? Как интересно! – Под моим взглядом Деррик садится ровно, и крылья трепещут у него за спиной. – У действующей тюрьмы не может не быть печати. Со временем печать доживает свой век и начинает слабеть. Связные предложения?!

У меня обрывается сердце.

– Что значит «доживает свой век»?

Деррик радостно улыбается.

– Ничто не вечно. И это прекрасно, учитывая количество невыносимых людишек.

Одежда падает из моих рук в умывальник, вода окатывает мою ночную рубашку.

– Деррик, это не шутки!

Он поднимает руки.

– Светлая сторона! Если первыми освободились красные колпаки, у того, кто построил эту тюрьму, был план на случай ее разрушения.

У меня появляется маленький проблеск надежды.

– Правда?

– Конечно. Это значит, что бóльшая часть силы используется, чтобы как можно дольше удерживать сильнейших *sithichean*. Поэтому первыми освобождаются менее могущественные, – он снова слизывает мед с пальцев, – и их врагам легче будет убить их и сократить количество армии до того, как вырвутся более сильные. Блестящий план. Жаль, что не я его придумал.

Надежда умирает, и мне следовало этого ожидать. Кто бы ни построил эту тюрьму, он считал, что красных колпаков легко убить?

Если честно, это самый ужасный чертов план из всех, что я слышала.

– Итак, правильно ли я поняла, – осторожно говорю я. – Единственное, что защищает Эдинбург, – это слабеющая печать, а нынешний разгул злобных фейри, которые прорываются к нам, – это *светлая сторона*?

Деррик кажется немного смущенным.

– Что ж. Айе.

– Но у нас нет своей армии, чтобы уничтожить их!

Деррик моргает, глядя на меня, его ореол тускнеет.

– Ой. Когда ты это так формулируешь, оно начинает звучать совсем уж печально.

– И где находится печать? Как нам ее починить?

– Не знаю. Никогда не видел ее. Пикси не вмешиваются в дела других *sithichean*.

Понятно, почему Киаран не выглядел удивленным при появлении красных колпаков. Скрытный ублюдок! Как, черт возьми, я должна убивать, если не знаю, где они? Если мы не починим эту печать, городу грозит уничтожение. Это очевидно. Фейри были заточены под землей не просто так. Если они освободятся, то уничтожат все на своем пути.

И Киаран еще кое о чем не рассказал мне.

– Деррик, – говорю я, и он смотрит на меня с опаской. – Ты когда-нибудь слышал о Соколиной Охотнице?

Если бы я не следила за его реакцией, то могла бы не заметить, как напряглось его тело. Это не нормальная реакция опьяневшего от меда пикси. Деррик еще никогда не выглядел

таким трезвым.

– Где ты это слышала?

Он говорит тихо. Вспышка страха отражается на его маленьком лице, тонкие крылышки слабо трепещут, ореол темнеет.

Я хмурюсь.

– Киаран упомянул.

Деррик не произносит ни слова, хотя я и вспомнила Киарана.

Еще один секрет. Не важно, насколько Деррик презирает Киарана, у них есть общее прошлое, подробности о котором, боюсь, я никогда не узнаю. Возможно, фейри не могут лгать, но это вынуждает их придумывать более изощренные способы скрыть правду.

Деррик отворачивается от меня.

– Женщина, которая охотится со специально обученным соколом, ясно же. Что еще это может значить?

– Точно, – говорю я без капли сарказма.

Он не скажет мне правду, не сегодня. Во время следующей встречи мне нужно выведать у Киарана остальное. Я развешиваю свою одежду над камином, чтобы высушить.

– Уверена, именно это он и имел в виду.

Ложь в обмен на полуправду.

Следующим утром перед приемом гостей я наряжаюсь и одеваюсь сама, чтобы Дона не увидела мои раны. Мягкие шелковые перчатки скрывают ссадины на костяшках пальцев, а шейный платок прячет синяки на коже. На затылке, под ниспадающим шиньоном, который мне удалось прикрепить самостоятельно, приколот бант. Он подходит к моему платью светло-зеленого цвета – единственного в мире оттенка, который гармонирует с моей покрытой веснушками кожей.

Я спускаюсь по лестнице в вестибюль, неподобающе неся чашку чая. Солнечный свет – что редкость для зимней Шотландии – проникает сквозь окна гостиной и освещает просторный зал. Сейчас позднее утро, но солнце уже клонится к горизонту. Его лучи отражаются в люстрах над головой, и маленькие радуги танцуют на синих обоях холла, украшенных пепельно-коралловыми рисунками.

Я могу думать только о том, что рассказал Деррик прошлой ночью. Я должна найти эту чертову печать до того, как сбежит еще больше красных колпаков... или кто-то похуже. Когда Киаран объявится, я вытяну из него информацию. *Daoine sith* – самые могущественные из пойманных в ловушку существ, а я и близко не подошла к тому, чтобы превзойти одного Киарана. Если он не поможет мне сражаться с ними, я заставлю его рассказать, что нужно знать, чтобы убивать их. Я буду делать то, что должна.

Меня снова поглощает жажда убийства, такая сильная и беспощадная, что какое-то время я не могу дышать.

Я ставлю чашку на стол и запускаю руку в карман своего дневного наряда. Мои пальцы перебирают крошечные детали, пока я не нахожу маленькую отвертку и автоматизированный клапан, который начала собирать для огнемета. Вставив в него отвертку, я начинаю крутить ее.

Такие мелкие занятия помогают мне думать, но только облегчение от убийства позволит мне снова дышать. Оно ослабит боль в моей груди. Найти печать, а затем продолжить выслеживать и готовиться убить *baobhan sith*. Так же, как каждую ночь.

«Нет. Еще нет».

Я размещаю следующий шуруп, закручиваю его. Я должна оставаться сосредоточенной. Пришло время общаться, играть идеальную леди. Время сидеть прямо, расправив плечи, и улыбаться.

– Леди Айлиэн?

Я подпрыгиваю и сбиваю рукой чашку со стола, которая с глухим стуком падает на персидский ковер.

– Ой-ой, – говорю я дворецкому отца. – Это было не очень грациозно, не так ли?

МакНэб улыбается из-под густой светло-рыжей бороды. Его внушительных размеров фигура склоняется, чтобы подобрать чашку с ковра. В его ладони, когда он выпрямляется, фарфоровая чашка кажется миниатюрной.

– Не беспокойтесь, миледи, – говорит он. – Я все равно собирался отдавать ковер в чистку.

– Как вовремя.

МакНэб кланяется.

– Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

– Еще чая было бы чудесно, спасибо.

– Очень хорошо, миледи. – Он кивает на стол, стоящий возле двери. – Этим утром доставили кое-какие подарки от ваших поклонников.

На круглом столе на самом видном месте выставлены четыре букета из разных цветов: розы, фиалки, тюльпаны, гелиотроп, вереск, полевые цветы – дорогое сочетание, которое в это время года можно приобрести только в оранжереях.

С момента, как две недели назад я вышла из траура, вестибюль постоянно полон цветов и визитных карточек. Разногласия по поводу смерти моей матери лишь усилили интерес ко мне, хотя не уверена, было бы это так же, не окажись у меня солидного приданого.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Острый шотландский кинжал. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)